

ПОСЛЕДНИЙ ВЫХОД ИЗ ОСАДЫ

ТИМОФЕЙ АРСКИЙ

Тимофей Арский

Последний выход из осады

<https://litres.ru/74635992>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спасатель Артём Серов приходит в себя под завалами осаждённого Эйр-Када — города, где три сигнальные башни делают военную карту реальностью. Стоит полководцу вычеркнуть улицу, как камень смыкается вокруг её жителей, а память о них начинает слабеть.

Артём умеет искать живых по стуку и укреплять рушащиеся стены, но его опыта недостаточно без проводницы Иланы, колодезника Браса, связиста Эла и людей, которых власть уже сочла допустимой потерей. Чтобы открыть двенадцать выходов, им придётся научить враждующие стороны слушать друг друга. А Артёму — уничтожить башню, в которой открылся единственный путь домой.

«Последний выход из осады» — самостоятельный приключенческий роман о спасателе в чужом мире, цене удобной карты и городе, который возвращают не приказом сверху, а руками тех, кто не согласен забывать живых.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Тишина под бетоном	5
Глава 2. Улица до заката	25
Глава 3. Правило трёх ударов	45
Глава 4. Карта полководца	60
Глава 5. Верёвки Иланы	79
Глава 6. Колодец слышит раньше	98
Глава 7. Первый ложный стук	113
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Тимофей Арский

Последний выход из осады

От автора

В спасательных работах тишина бывает действием. Люди останавливают инструменты и разговоры, чтобы услышать один слабый стук из-под камня. Этот роман вырос из вопроса: что произойдёт с городом, если власть решает, чьи голоса вообще должны попадать на карту?

Перед вами приключенческая история о попаданце, осаде и древней магии, но её главное чудо совершают обычные вещи: деревянная подпорка, верёвочный узел, ладонь на стене, честно отмеченная ошибка. Герой умеет искать людей в завалах, однако не знает чужого города и не может спасти его один.

Все города, государства и персонажи вымышлены. Спасательные сцены служат сюжету и не являются практическим руководством: в реальной аварии решения принимают подготовленные службы на месте.

Глава 1. Тишина под бетоном

Первый удар пришёл снизу.

Артём почувствовал его не ушами, а коленями. Бетонная плита под ним дрогнула, будто в глубине тоннеля кто-то огромный повернулся на другой бок. С потолка посыпалась сухая крошка. Луч налобного фонаря стал мутным от пыли.

— Всем назад! — крикнул Артём.

Он не успел услышать, послушались ли его.

Второй удар сорвал с потолка кабельный лоток. Железо хлестнуло по стене, погасли два прожектора, и проход разом сузился до круглого пятна света перед лицом. Артём упал на ладонь, прокатился к правой стене и прижал подбородок к груди. Где-то рядом закричал человек. Крик оборвался не сразу — его заглушил гул, с каким складывались одна на другую многотонные плиты.

До этого они шли по техническому тоннелю уже сорок минут. Наверху, в промёрзшем дворе, стояли пожарные машины и грелся на холостом ходу кран. Здесь пахло мокрой известью, старой изоляцией и тёплой землёй. После утренней аварии обрушилась часть строившейся развязки, и двое рабочих могли остаться за деформационным швом. Артём спустился с первой поисковой группой, потому что собака указывала на восточную стену, а геофон ловил там слабый повторяющийся звук.

Теперь вся стена двинулась на него.

Он увидел, как трещина побежала по бетону, раздваиваясь возле красной метки. Успел подумать, что метку поставил сам пятнадцать минут назад и что подпорку следовало перенести на полметра левее. Потом воздух вытолкнуло из тоннеля. Свет погас.

Артём падал недолго, но успел несколько раз удариться. Сперва плечом, потом бедром, затем каской о что-то каменное. Страховочная верёвка натянулась поперёк груди и тут же лопнула или перерезалась. Вместе с ним летели куски плиты, щебень, инструмент. Он прикрыл лицо локтем и ждал последнего удара, после которого уже ничего не придётся решать.

Удара не было.

Он оказался на наклонной поверхности и заскользил, цепляясь перчатками за выбоины. Подошвы не находили опоры. Правая нога провалилась в щель, вывернулась, но освободилась, когда он всей тяжестью рухнул на бок. Склон кончился. Артём ударился спиной, выдохнул и замер.

Сверху ещё некоторое время сыпались мелкие камни. Один стукнул по каске. Другой попал в запястье. Потом наступила тишина.

Не та тишина, которую объявляли во время поиска.

В рабочем тоннеле даже после остановки техники оставались вода в трубах, гул вентиляции, электрический треск, дыхание людей. Здесь не было ничего. Артём слышал толь-

ко частые удары собственного сердца и тонкий звон в левом ухе.

Он сосчитал до десяти, не двигаясь. Затем пошевелил пальцами ног. Обе ступни отвечали. Колени сгибались. Левая рука ныла от плеча, но слушалась. Когда он провёл ладонью по рёбрам, резкой боли не возникло. На затылке каска держалась крепко. Воздуха хватало, хотя каждый вдох приносил привкус каменной пыли.

— Артём Серов, — сказал он вслух и услышал неожиданно далёкое эхо. — Тридцать восемь лет. В сознании. Время...

Он нажал подсветку часов. Экран был разбит, под трещинами тлели синие цифры: 16:42.

— Время шестнадцать сорок две. Возможна травма левого плеча.

Говорить было некому, но голос возвращал порядок. Пока можешь назвать себя, время и повреждения, ты не просто тело под плитой. Ты работаешь.

Артём нащупал рацию на разгрузке. Корпус треснул. Антенна исчезла. Он нажал передачу.

— Первый поисковый, я Серов. Ответьте.

В динамике не было даже шороха.

Он попробовал ещё дважды, после чего снял рацию и положил рядом. Бесплезную вещь не следовало носить на себе. Налобный фонарь не включился. Запасной, пристёгнутый к нагрудному карману, мигнул и дал узкую полосу све-

та.

Артём медленно поднялся на колени.

Перед ним лежала не та плита, с которой он сорвался. Свет выхватил каменные блоки величиной с чемодан, плотно пригнанные один к другому. По ним шли неглубокие желобки, а в швах зеленела сухая медная полоса. Стена слева была сложена так же. Никакой арматуры, кабеля, свежего бетона. За спиной поднимался наклонный лаз, но через три метра его перекрывал гладкий обломок тёмного камня.

Артём посветил под ноги. На серой пыли отпечаталась его ладонь. Рядом лежал акустический щуп — стальной стержень с круглой рукоятью, который был закреплён у него за спиной. Провод к усилителю оборвался, но сам стержень уцелел. Чуть дальше белел обрезок страховочной верёвки. Конец оказался не разлохмаченным и не срезанным. Он был оплавлен в ровный стеклянный шарик.

Артём потрогал его кончиком перчатки.

— Вот это потом, — сказал он.

Потом могло не наступить, но разбираться с невозможным до проверки воздуха и выхода было бессмысленно.

Он достал из кармана химический свет, переломил трубку. Зелёное сияние легло на камни. Пламени для проверки воздуха у него не было, да он и не стал бы поджигать ничего в неизвестной полости. Газоанализатор остался где-то наверху. Артём сделал несколько неглубоких вдохов, прислушался к себе. Голова не кружилась сильнее, чем после паде-

ния. Сквозняка он не чувствовал, но пыль медленно уходила к щели справа. Значит, воздух двигался.

Он снял маленькую сапёрную лопатку, расчистил щель и увидел за ней темноту. Камень, перекрывавший проход, опирался на два выступа. Трогать его без крепления было нельзя. Артём осмотрел пространство ещё раз и нашёл свой рюкзак, зажатый у стены. Внутри уцелели аптечка, вода, складная ножовка, мел, рулон ленты, две петли стропы, карабины и короткая телескопическая стойка. Стойка не удержала бы плиту одна, но могла показать, двигается ли та.

Он поставил её под правый край обломка, выбрал слабинку и нанёс мелом тонкую черту поперёк стыка. Затем сел, прислонившись к стене, и заставил себя ждать.

Пять минут казались потерей времени только тем, кто никогда не видел вторичного обрушения. Артём смотрел на меловую черту. Она оставалась целой. Каменная пыль вокруг стойки не шевелилась.

За стеной ударили.

Один раз. Тихо, почти на границе слуха.

Артём выпрямился.

Удар мог быть осыпавшимся камнем. Мог быть звуком из той конструкции, откуда он упал. Мог родиться у него в голове вместе со звоном в ухе.

Он выключил запасной фонарь и перестал дышать на несколько секунд.

Тишина.

Потом три быстрых удара. Пауза. Ещё один.

Не случайность.

Артём приставил металлическую рукоять шупа к стене и прижал ухо к перчатке. Электроника была мертва, зато камень сам проводил звук. Где-то справа царапали по твёрдой поверхности.

— Эй! — крикнул он. — Меня слышно?

Царапанье прекратилось.

Артём ударил рукоятью по стене три раза, выдержал паузу и повторил.

Ответ пришёл сразу: три слабых стука.

Он закрыл глаза. За стеной был живой человек. Возможно, рабочий из тоннеля. Возможно, кто-то ещё. Всё непонятное снова отступило перед простой задачей.

— Не бейте часто! — сказал Артём, повернувшись к щели. — Берегите силы. Три удара, если слышите меня.

Три удара.

— Сколько вас? Отбейте по одному разу за человека.

Два.

Ответ был слишком точным для случайности.

— Есть раненые? Один удар — нет. Два — да.

После долгой паузы прозвучало два.

Артём посмотрел на обломок над щелью. Два человека, один или оба ранены. Воздух к ним шёл, но неизвестно, насколько свободно. Он не мог ждать группу: не знал, где оказался, а рация молчала. Значит, следовало расширить отвер-

стие, не снимая опору.

Камни вокруг щели были не обрушенным заполнением, а частью кладки. Нижний блок чуть выступал. Артём очистил его края лопаткой и обнаружил, что медная полоса в шве мягкая, как старый припой. Ножовка взяла её с неприятным визгом. После каждого десятка движений он останавливался, слушал стойку и смотрел на меловую черту.

За стеной кто-то закашлялся.

— Не стойте напротив отверстия, — сказал Артём. — Отползите в сторону. Отбейте три, когда отползёте.

Ответа не было.

Он повторил медленнее, хотя не знал, понимают ли его слова. Через несколько секунд пришли три удара.

Когда медь была перепилена, нижний камень поддался на несколько миллиметров. Артём продел стропу в желоб, закрепил её карабином за выступ стены и выбрал натяжение. Это не было настоящей страховкой. Если верхняя глыба пойдёт вниз, тонкая стропа лопнет. Но она могла не дать блоку вывалиться ему на ноги.

Он раскачивал камень по чуть-чуть, пока между ним и полом не появилась чёрная линия. Из неё потянуло тёплым воздухом, дымом и чем-то кислым.

— Сейчас будет пыль. Закройте лица тканью.

Он вставил лопатку в щель как рычаг. Камень сдвинулся, стропа заскрипела. Сверху посыпалась крошка. Артём замер, прижав ладонь к кладке. Никакого движения. Ещё на-

жим. Блок повернулся и лёг на бок с тяжёлым глухим звуком.

В проёме показалась рука.

Маленькая, с тонкими пальцами и медным браслетом.

Артём отшатнулся сильнее, чем при первом ударе. Рука исчезла. Из темноты донёсся испуганный вскрик — высокий, детский, совершенно незнакомый.

Он поднял фонарь и направил луч в отверстие.

За стеной была низкая комната. В свете мелькнули два лица, перепачканные белой пылью. Девочка лет двенадцати заслоняла собой мальчика помладше. Оба были одеты в длинные серые рубахи, перетянутые шнурами. У мальчика по виску текла кровь. Позади них громоздились разбитые кувшины и деревянные ящики. Ни касок, ни оранжевых жилетов, ни рабочих из тоннеля.

Девочка что-то резко сказала. Артём не понял ни слова.

Он опустил фонарь, чтобы не слепить детей, и показал пустые ладони.

— Я Артём. Не бойтесь.

Девочка прижала палец к губам.

Потом указала вверх.

До Артёма дошёл звук, которого раньше не было: далёкий ровный гул. Он нарастал, проходя сквозь камень. Медные полосы в швах одна за другой засветились тусклым синим. Гул поднялся до такой высоты, что заболели зубы.

Стена справа выгнулась.

Камень не треснул и не упал. Он именно выгнулся, как

толстый лист железа под прессом. Проём, который Артём только что расширил, начал сужаться. Нижний блок сам по-полз обратно, натягивая стропу.

— Сюда! — крикнул Артём.

Он просунул руку в отверстие. Девочка не двинулась. Тогда мальчик качнулся, и она подхватила его под плечо. Вдвоём они добрались до стены. Артём ухватил мальчика за рубаху и предплечье, потянул. Тот вскрикнул. Его левая нога волочилась.

Проём сжимался. Стропа натянулась струной. Карабин заскрежетал по камню.

Артём лёг на живот, просунулся глубже и взял мальчика под мышки. Рубаха затрещала. Девочка толкала брата с той стороны. Каменный край прижал Артёму плечо, и руку обожгло болью. Он выдернул мальчика в свою полость, перекатился вместе с ним и снова бросился к отверстию.

Девочка уже лезла сама. Он схватил её за запястья.

Стропа лопнула.

Камень ударил Артёма по предплечью, но девочка успела выбросить корпус вперёд. Он рванул её на себя. Медный браслет рассёк кожу на ладони. Каблук её мягкого ботинка застрял в щели. Девочка закричала и забилась. Артём прижал её к полу всем телом, взялся за голень и повернул ступню боком.

Ботинок остался в стене.

Проём закрылся с сухим щелчком. Медная линия снова

стала ровной. Только обрывок серой ткани торчал из шва.

Гул стих.

Несколько секунд никто не двигался. Потом девочка оттолкнула Артёма, подползла к мальчику и заговорила быстро, глотая окончания. Он ответил едва слышно.

Артём сел. Рука дрожала от боли. На предплечье проступала полоса крови, но пальцы двигались. Он поднёс фонарь к детям.

— Дайте посмотреть, — сказал он и показал на голову мальчика.

Девочка поняла жест, но не позволила приблизиться. Она вытащила из-за пояса короткий нож и выставила перед собой. Лезвие было тёмным, с широким обухом. Рука у неё дрожала не меньше, чем у Артёма.

Он медленно снял перчатки, положил их на пол, достал аптечку и раскрыл. Показал бинт, салфетку, флакон воды. Затем указал сначала на свою окровавленную ладонь, потом на голову мальчика.

Девочка смотрела долго. Наконец опустила нож, но не убрала.

Артём приблизился на коленях. Рана на виске была неглубокой, кровь уже сворачивалась. Хуже выглядела нога: голень распухла, мальчик не мог наступить на неё. Артём осторожно ощупал кость через ткань. Явного перелома не чувствовалось, но без снимка это ничего не доказывало.

— Скажи, где больнее, — попросил он, показывая паль-

цем разные места.

Мальчик морщился всякий раз, но сильнее — возле щиколотки. Артём приложил к ней две плоские рейки из набора, обернул бинтом, оставив пальцы открытыми. Девочка следила за каждым движением и один раз остановила его ножом, когда он хотел разрезать штанину. Пришлось накладывать шину поверх ткани.

Закончив, Артём дал мальчику крышку воды. Тот посмотрел на сестру и выпил только после её кивка.

— Имена, — сказал Артём, коснувшись себя. — Артём. Девочка нахмурилась.

— Ар-тём.

Она повторила:

— Артем.

Ударение прозвучало непривычно, но имя было узнаваемым.

Девочка коснулась груди.

— Тая.

Потом положила ладонь мальчику на плечо:

— Лиор.

— Тая. Лиор, — повторил Артём.

Мальчик слабо улыбнулся.

Это была первая вещь после падения, которая не требовала объяснения.

Артём хотел спросить, где они находятся, но не знал как. Он нарисовал мелом прямоугольник, линию тоннеля и чело-

вечка. Показал наверх и вопросительно развёл руками. Тая не поняла. Тогда он нарисовал несколько домов и башню, указал вокруг.

Она сразу забрала мел.

На плоском камне появились ступени домов, поставленных один над другим, словно город карабкался по склону. Над ними Тая начертила три длинные башни. От каждой провела луч к квадрату, где сидели они. Потом энергично зачеркнула квадрат и постучала по рисунку дважды.

— Что значит зачеркнула?

Тая повторила рисунок. Дома, три башни, квадрат. Зачеркнула его. Закрыла глаза ладонью и отвернулась, будто квадрата больше не было.

Лиор что-то сказал. Девочка резко ответила ему, но мальчик потянулся к мелу. Рядом с зачёркнутым квадратом он нарисовал два маленьких кружка. Себя и сестру. Затем провёл от них линию наружу и ткнул в Артёма.

— Вы были там, — догадался он. — Стена закрылась, а я вас вытащил.

Лиор кивнул, хотя едва ли понял слова.

Тая поднялась и показала в узкий проход слева. Тот уходил вниз между каменными стенами. Артём прежде принял его за глубокую трещину. Девочка сделала несколько шагов, но вернулась к брату. Идти Лиор не мог.

Артём закрепил аптечку, сложил лопатку и остаток стропы. Рюкзак он подтянул выше. Затем повернулся к мальчику

спиной и присел.

Тая покачала головой.

— Другого выхода я не вижу. — Артём похлопал себя по плечу. — Давай.

Лиор понял первым. Обнял Артёма за шею. Весил он килограммов тридцать, не больше, но левое плечо пронзило болью. Артём переждал её, поднялся и взял акустический щуп как трость.

Они двинулись по проходу.

Стены здесь были сухими и тёплыми. Через каждые несколько шагов попадались ниши, забитые глиняными сосудами. Некоторые разбились, и под ногами хрустели светлые зёрна. Пахло гарью, прелым зерном и горячей медью. Тая шла впереди босой левой ногой, не жалуясь. Нож она не убрала.

Проход дважды раздваивался. Девочка выбирала дорогу без колебаний, касаясь узлов на тонкой верёвке у пояса. Артём заметил, что возле каждого поворота узлы были разными: один большой, два маленьких, петля, снова большой. Она не смотрела на стены. Она читала путь пальцами.

На третьем повороте путь перекрыла кладка.

Тая остановилась так резко, что Артём едва не налетел на неё. Перед ними была ровная стена с медными швами, без двери и следов обвала. Девочка ощупала камни, будто искала ручку. Затем посмотрела на свою верёвку, отсчитала узлы и снова проверила стену.

— Здесь был проход? — спросил Артём.

Она ударила ладонью по камню и крикнула одно слово:

— Эйр-Кад!

Имя отдалось эхом.

За стеной ответили.

Сначала Артём принял звуки за шаги. Потом различил металлический скрежет, голоса и частые удары. Кто-то разбирал кладку с другой стороны.

Тая подхватила лежавший на полу обломок и забарабанила по стене. Артём перехватил её руку.

— Нет. По одному здесь ничего не понять.

Он поставил Лиора у стены, приложил щуп к шву и поднял ладонь. Дети смотрели на него.

— Тишина, — сказал Артём. — Надо слушать.

Само слово они, конечно, не поняли. Он прижал палец к губам. Тая повторила жест.

За стеной шум продолжался. Там кричали сразу несколько человек, били железом в разных местах. Артём различал осыпание, тяжёлые удары и один тонкий повторяющийся звук ближе к полу. Он снял рюкзак, опустил Лиора рядом и простучал кладку рукоятью щупа. Нижний ряд отвечал звонко, верхний глуше. За третьим блоком слева была пустота.

Артём постучал три раза.

Шум с другой стороны не прекратился.

Он повторил сильнее: три удара, пауза, три удара.

Кто-то ответил беспорядочной дробью.

— Они нас не услышат, пока сами шумят.

Тая вслушалась в его тон, затем неожиданно закричала в стену. Одно и то же короткое слово повторилось несколько раз. За кладкой ей ответил женский голос. Девочка прижалась лбом к камню.

Артём разобрал среди чужих слов имя Лиора.

Он взял у Таи мел и нарисовал поднятую ладонь. Затем зачеркнул молоток, который изобразил рядом. Постучал три раза и снова поднял ладонь.

Девочка смотрела на рисунок, тяжело дыша. Потом кивнула и закричала за стену. На этот раз говорила медленно. После третьего повторения удары там стали редкими. Кто-то ещё спорил, что-то упало, женский голос перекрыл остальных.

Наступила тишина.

Не абсолютная. Артём слышал плач, дыхание Лиора, далёкий гул снаружи. Но инструменты за стеной замолчали.

Он простучал кладку. Пустота за третьим блоком уходила вправо. Четвёртый блок лежал под нагрузкой: от него звук расходился по всей стене. Вынимать его было опасно. Первый, у самого пола, отзывался коротко и был отделён толстым медным швом.

Артём указал точку и ударил три раза.

С другой стороны ответили точно напротив.

Теперь можно было работать с двух сторон, не разрушая всю стену.

Он показал Тае ножовку и линию медного шва. Она объяснила что-то за стену. Вскоре оттуда послышался осторожный скребущий звук. Артём пилил со своей стороны. Медная прослойка оказалась толще прежней, рука быстро устала. Левое плечо наливалось тяжестью. Он менял хват, отдыхал через каждые двадцать движений и прикладывал пальцы к верхнему шву. Камень оставался неподвижным.

Через несколько минут в узкой щели блеснул чужой инструмент. Они встретились внутри кладки.

Тая засмеялась — коротко, почти сердито. За стеной тоже засмеялись и сразу заплакали.

Камень вытаскивали медленно. Артём просунул стропу, с другой стороны её подхватили и закрепили. По его знаку все потянули. Блок пошёл наружу, оставляя у пола отверстие высотой с ладонь. В него ворвался холодный воздух, полный дыма и голосов.

Артём лёг и заглянул.

На той стороне стояли люди с фонарями в металлических клетках. Не электрическими — внутри дрожал синий огонь. Лица были белыми от пыли. Женщина с обожжённой щекой увидела детей и протянула руки. За ней теснились мужчины с крюками, старик с перевязанной головой, девушка в кожаном переднике. Все говорили одновременно.

Их было не меньше двадцати.

Над ними виднелся кусок ночного неба и высокая башня, перечёркнутая полосами синего света.

Отверстие расширили до того, чтобы прополз ребёнок. Первым Артём передал Лиора. Женщина с обожжённой щекой прижала мальчика к себе и стала повторять его имя. Затем выбралась Тая. Перед тем как исчезнуть в проходе, она вернулась, схватила Артёма за рукав и потянула.

Он пролез последним.

Люди расступились. Несколько инструментов поднялись ему навстречу. Артём сел на камни и медленно положил щуп перед собой. Вид у него был достаточно странный даже без каски, фонаря и ярких полос на куртке. Здесь носили грубую серую ткань, кожу, медные пластины. Мужчина с копьём коснулся наконечником светоотражающей полосы у него на груди.

Тая встала между ними и заговорила. Она показывала на закрытую стену, на брата, на Артёма. Трижды стукнула кулаком по ладони. Потом подняла руку, требуя тишины, и указала на нужный камень.

Копьё опустилось.

Женщина с обожжённой щекой сказала что-то Артёму. Он не понял, но услышал благодарность в том, как сорвался её голос. Она коснулась пальцами лба и груди, затем прижала ладонь к его окровавленной руке.

Снаружи грохнуло.

Над верхними ярусами города вспыхнул красный свет. По небу прошла дуга, будто раскалённый камень перелетел через стену. Через несколько секунд где-то далеко ударило.

Земля качнулась. Люди пригнулись привычно, закрывая себя собой.

Артём поднялся.

Он находился во дворе, зажатом между многоэтажными каменными домами. Одни этажи стояли прямо, другие были повёрнуты и срослись углами. Лестницы обрывались над пустотой. Мостки из досок соединяли окна. Выше крыш тянулась городская стена, а за ней горели сотни огней. Три башни поднимались в разных частях города. По их граням бежали синие полосы, повторяя рисунок медных швов.

На ближайшей стене висела большая карта.

Лист держали в деревянной раме под навесом. Чёрные улицы были проведены уверенными прямыми линиями, красные значки отмечали башни и ворота. Артём подошёл ближе. Люди следили за ним, но не мешали.

Он нашёл взглядом двор, в котором стоял. Во всяком случае, попытался найти. На месте нижних домов карта показывала сплошной серый участок без улиц. Край существующего города проходил на два квартала выше.

Артём указал на землю, затем на карту.

— Мы здесь.

Старик с перевязанной головой понял вопрос. Он приложил палец к серому пятну, покачал головой и произнёс несколько слов. Одно повторил особенно отчётливо:

— Нет.

Нет.

Тая подошла к раме, отыскивала что-то на карте и растерянно провела пальцем по пустому месту. Потом дёрнула свою верёвку с узлами. По ней дорога существовала. На листе — нет.

Гул башен вернулся.

Синие полосы зажглись ярче. По двору прошёл горячий ветер. В дальней стене с хрустом сомкнулся дверной проём. Люди отпрянули. Женщина, державшая Лиора, выкрикнула имя. Несколько человек бросились к двери, но там уже лежал ровный ряд древнего камня.

Артём увидел, как мужчина возле карты моргнул и огляделся. На его лице возникло недоумение, будто он забыл, зачем пришёл. Потом взгляд упал на Тая и Лиора, и он вздрогнул.

Девочка ударила три раза по деревянной раме.

Люди замолчали.

Она ударила снова. Три коротких звука прокатились по двору. Женщина прижала Лиора крепче. Старик повторил стук рукоятью крюка. Ему ответили из соседнего прохода, потом сверху, с мостка, потом из-за только что закрывшейся двери.

Три удара. Пауза. Три удара.

Артём стоял перед картой города, которого не могло быть, и слушал, как невидимые люди сообщают о себе через камень.

Он всё ещё не знал, где рабочие из тоннеля. Не знал, что

стало с его группой и каким образом обрезок верёвки оплавился без огня. Но теперь знал другое: под серым пятном на карте оставались живые.

И город пытался закрыть их снова.

Глава 2. Улица до заката

Человеческая память уходила не сразу.

Сперва женщина с обожжённой щекой забыла, кому принадлежит детская куртка у неё на руках. Она держала Лиора, прижимала его к груди, а потом посмотрела на серую ткань так, словно нашла чужую вещь.

— Лиор, — сказал Артём.

Женщина не отозвалась.

Тая ударила костяшками по раме карты: три раза. Женщина вздрогнула, увидела мальчика и снова обняла его.

Потом старик с перевязанной головой спросил что-то, показывая на закрывшийся проход. Люди ответили ему сердито. Он покачал головой и переспросил. По лицам Артём понял: вопрос был тем же самым.

За стеной продолжали стучать.

Равномерные тройки звучали из разных мест. Один голос был совсем близко, другой доносился снизу, через пол, третий едва достигал двора. Жители отвечали как могли: рукоятью крюка по камню, палкой по деревянному мостку, медной кружкой по трубе. Каждый ответ возвращал лицам цель.

Артём стоял возле карты и пытался удержать сразу несколько наблюдений. Башенный гул меняет кладку. Изменение происходит не мгновенно, хотя проём закрылся за секунды. Люди забывают тех, кто остаётся за новой стеной.

Звук возвращает воспоминание — или хотя бы внимание. Официальная карта не показывает нижний двор.

Он снял с пояса маркер, которым ставил метки на бетоне, и провёл короткую чёрную черту на перчатке. Маркер писал. Артём указал на Таю, написал её имя по-русски на тыльной стороне ладони и показал девочке.

Она нахмурилась, прочитать не смогла, но смысл уловила. Забрала маркер и нарисовала рядом три кружка.

— Ты предлагаешь мне не забывать вас? — спросил Артём.

Тая кивнула.

По лестнице с верхнего яруса сбежала женщина. Она не спускалась — почти падала, хватаясь за верёвочные перила. Длинная тёмная коса была обмотана вокруг шеи, чтобы не цеплялась. Через плечо висела бухта тонкой верёвки, вся в узлах, деревянных пластинках и металлических кольцах. На левом бедре у женщины болтался короткий топор, на правом — скрученная карта в кожаном чехле.

Ей было около тридцати пяти. Худое лицо казалось резким из-за пыли в складках у рта. Она быстро оглядела двор, закрытый проход, детей, Артёма. Не задержалась ни на его одежде, ни на фонаре. Сразу подошла к стене и приложила пальцы к медному шву.

— Илла! — окликнула её женщина с обожжённой щекой.

Пришедшая ответила, не оборачиваясь. Голос был низкий, спокойный. Она расстегнула чехол, развернула карту на

земле и прижала углы камнями.

Лист был не бумажным, а сплетённым из тонких светлых волокон. На нём виднелись те же прямые улицы, что на карте в раме, но линии дрожали. Одна из них медленно бледнела на глазах.

Женщина вынула угольный стержень и попыталась провести поверх неё новую черту. Волокна почернели, однако через несколько секунд след распался на точки.

Она выругалась. Это Артём понял без перевода.

Тая подбежала и заговорила, показывая на него. Три удара по ладони. Движение пилы. Лиор, стена, снова Артём.

Женщина посмотрела на него внимательнее.

— Артём, — представился он.

— Илана Рей.

Имя совпало с тем, как её окликнули, только полностью прозвучало иначе. Илана коснулась себя, повторила:

— Илана.

— Артём.

Она произнесла его имя почти правильно. Потом показала на закрытый проход и сказала несколько коротких фраз. Артём развёл руками.

Илана сжала губы. Времени на терпение у неё явно не было.

Она сорвала с верёвки деревянную пластинку. На одной стороне был вырезан дом, на другой — пять вертикальных чёрточек. Илана указала на дом, затем на людей во дворе.

После этого провела пальцем по бледнеющей линии карты до маленького квадрата и показала пять пальцев.

— Пять человек?

Она кивнула, указала на закрытый проход и на быстро темнеющее небо.

— Там осталось пятеро. До ночи.

Илана снова кивнула, хотя слов не поняла. Свернула карту, жестом позвала двоих мужчин с крюками и направилась к лестнице.

Артём поймал её за локоть.

Топор оказался у его горла прежде, чем он успел убрать руку.

Двор замер.

Артём медленно разжал пальцы. Илана опустила лезвие, но взгляд не смягчился.

Он показал на её карту, потом на закрытый проход, затем на свой щуп.

— Я пойду.

Илана покачала головой.

Артём постучал рукоятью щупа по стене три раза. Из глубины ответили. Он указал на ухо, на себя и на проход вверх.

Тая что-то сказала. Женщина с обожжённой щекой поддерживала её. Илана выслушала обеих, подошла к Артёму вплотную и ткнула пальцем в его левое плечо. Он не удержался от гримасы.

— Работает, — сказал он.

Она ткнула снова, сильнее.

— Работает хуже, чем утром.

Илана бросила ему конец запасной верёвки и пошла.

Артём обвязался простым поясом, проверил узел и передал Тае свой маркер. Девочка зажала его в кулаке как важный инструмент. Лиор позвал сестру. Она присела возле него, коснулась лбом его лба и ударила пальцем по полу три раза.

Илана уже была на середине лестницы.

Мужчины с крюками шли за ней. Артём замыкал короткую связку. Верёвка между ними не служила страховкой в обычном смысле — тонкая, без привязи к опорам, она скорее позволяла не потерять друг друга в дыму и меняющихся проходах.

Они поднялись на два яруса. Двор остался внизу, накрытый сетью мостков. За последней лестницей город раскрылся шире.

Эйр-Кад стоял на обломках самого себя. Новые дома лепились к стенам древних зданий. Арки упирались в крыши, лестницы проходили через комнаты, широкие каменные желоба служили улицами. Там, где поверхность выравнивалась, люди ставили лавки и навесы. Но сейчас торговцы сворачивали ткань, гнали коз внутрь, заколачивали окна. На западной стене дымились чёрные следы от ударов. За зубцами мелькали красные огни осадного лагеря.

Солнце висело низко, похожее на медную монету.

Над городом возвышались три башни. Центральная была толще остальных и состояла будто из вложенных друг в друга каменных колец. Восточная наклонялась над стеной. Северную Артём видел только наполовину за уступом. Между ними протягивались едва заметные синие лучи.

Илана остановилась у развилки. Слева шла широкая улица с выложенными белыми знаками. Справа — узкий проход между домами. Она коснулась узла на верёвке и свернула вправо.

Один из мужчин возразил. Он показал на широкую дорогу и на закат.

Илана ответила одним словом:

— Вар.

Мужчина умолк.

Они побежали по узкой улице. Артём экономил дыхание, но плечо болело всё сильнее. Под подошвами попадались участки гладкого чёрного камня. На одном таком участке он чуть не упал: поверхность внезапно наклонилась, хотя дома по сторонам остались прямыми. Илана обернулась и потянула верёвку, предупреждая.

Навстречу им двигались люди с тюками. Женщина несла клетку с птицей. Старик толкал тележку, гружённую горшками. Никто не удивлялся Артёму — каждый смотрел на солнце.

У следующего перекрёстка висела маленькая карта. Илана остановилась. На ней их улица была обозначена тонкой

коричневой линией. Пока Артём смотрел, край линии посе-
рел.

Илана ткнула в неё, затем указала на дома.

— Улица, — сказал Артём.

Она повторила незнакомое слово:

— Сай.

— Сай — улица.

Илана кивнула. Потом провела ладонью по серому месту
и сказала:

— Ней сай.

Нет улицы.

— Пока есть, — возразил Артём, показывая на камни под
ногами.

Илана взяла его за подбородок и повернула голову к солн-
цу. Потом сжала пальцы, будто закрыла кулак.

— До заката, — сказал он.

Она повторила по слогам:

— До за-ка-та.

Новые русские звуки показались ей неудобными. Артём,
несмотря на боль и страх, усмехнулся.

— Да. До заката.

Илана указала на карту, на солнце и на стену. Ладони со-
мкнулись.

Теперь правило становилось яснее. Карта бледнела рань-
ше, чем менялась улица. После заката город приводил ка-
мень в соответствие с рисунком.

Один из мужчин окликнул их. Времени не было.

Дальше улица стала уже. Навесы цеплялись друг за друга, заслоняя небо. Жители уходили, но не все. У двери маленькой пекарни стояла пожилая женщина и спорила с молодым солдатом. Он показывал ей металлическую пластину с печатью и требовал выйти. Она размахивала деревянной ложкой и не уступала.

Илана вмешалась. Пожилая женщина увидела её, обрадовалась и потянула внутрь. Из пекарни пахло тёплым хлебом.

На лежанке за печью находился мужчина с распухшей ногой. Рядом сидела девочка лет семи. Ещё один ребёнок прятался под столом. Пять человек: хозяйка, раненый, двое детей и худой юноша, который таскал мешки из кладовой.

Илана показала пластинку с пятью чёрточками. Значит, пришли именно за ними.

Пожилая женщина быстро говорила, указывая на печь, мешки и полки. Солдат снова показал печать. Артём не знал слов, но спор был знаком: оставить дом, работу, всё, чем удерживалась жизнь, потому что кто-то решил, что место больше не существует.

Илана выслушала, затем сняла с пояса пустой шнур и положила на стол. Завязала первый узел, показала на женщину. Второй — на раненого. Третий и четвёртый — на детей. Пятый — на юношу. После каждого называла имя, заставляя человека ответить.

Потом ударила ладонью по столу три раза.

Хозяйка перестала спорить.

Мужчины подняли раненого на куске плотной ткани. Артём взял передние углы, но Илана отстранила его, указав на плечо. Тогда он помог вынести мешки с хлебом. Один дал юноше, второй взял сам. Девочка несла деревянную коробку, мальчик — ту самую ложку.

Они вышли, когда солнце коснулось зубцов стены.

Улица изменилась ещё до полного заката.

Сперва исчез звук. Шаги перестали отдавать эхом, будто стены обложили войлоком. Затем медь в швах засветилась. На фасаде напротив окно вытянулось вверх, став узкой щелью. Камни вокруг двери повернулись и стиснули раму. Дерево лопнуло.

Хозяйка закричала и бросилась обратно к пекарне.

Илана перехватила её. Женщина билась, показывала на дом. Артём подумал, что там осталась вещь или ещё один человек. Показал пять пальцев. Илана проверила узлы: пять. Все были здесь.

Старуха выкрикнула имя.

Юноша замер. Девочка уронила коробку. Значит, пятеро было не всех.

— Кто? — спросил Артём, хотя его не понимали.

Хозяйка показала ладонью низко над землёй, потом прижала руки к груди. Ребёнок. Маленький ребёнок.

Илана сорвала с пояса пластинку. На ней было пять чёрточек. Она вопросительно ткнула в старуху. Та заплакала и

показала на заднюю часть дома.

Камень вокруг двери продолжал сходиться.

Солдат схватил Артёма за куртку и потянул прочь. Илана ударила его по руке. Они обменялись несколькими резкими словами. Солдат показал на башню, на улицу, на всех евасуируемых. Один человек против семерых. Риск был понятен без перевода.

Артём сбросил мешок с хлебом.

— Имя ребёнка.

Старуха не поняла.

Он указал на девочку.

— Она кто?

Илана сказала:

— Мара.

Артём повторил и показал на пекарню.

Старуха открыла рот. Несколько секунд она не могла ответить. Лицо смялось от ужаса. Наконец выговорила:

— Рон. Рони.

Имя уже ускользало.

— Рони, — громко повторил Артём. — Рони в доме.

Он подбежал к двери. Проём сузился наполовину. Внутри опрокидывались полки. Печь медленно уходила в стену, каменная кладка поглощала кирпичи и железную заслонку.

Илана встала рядом.

— Нет, — сказал Артём. — Оставайся.

Она не стала спорить. Обвязала верёвку вокруг его пояса,

другой конец передала мужчинам и указала на три узла рядом. Затем полезла первой.

Внутри становилось теснее. Потолок опускался неравномерно, балки трещали. Илана крикнула имя ребёнка. Ответа не было.

Артём поднял ладонь.

— Тишина.

Илана поняла уже без жеста.

Они замерли. Снаружи люди тоже перестали говорить. Дом жил собственными звуками: треск дерева, скрежет посуды, шорох сыпавшейся муки. Между ними Артём уловил всхлип.

Снизу.

Он лёг на пол, приложил щуп. Второй всхлип пришёл из-под кладовой. Артём показал направление. Илана бросилась туда, но проход перекрыла сдвинувшаяся печь.

Под столом виднелся квадратный люк.

Они оттащили стол. Люк не открывался: доски распёрло. Артём вставил лопатку в щель. Левое плечо отказалось, и он едва не выпустил рычаг. Илана молча перехватила рукоять, упёрлась ногами. Вместе они сорвали крышку.

Внизу сидел мальчик лет четырёх. Он забрался в яму для хранения муки и теперь не мог выбраться. Белый с головы до ног, ребёнок казался вылепленным из пыли.

— Рони! — позвала Илана.

Мальчик посмотрел на неё без узнавания.

Стена за спиной Артёма хрустнула. Верёвка на поясе натянулась: снаружи требовали возвращаться.

Илана прыгнула в яму, подняла ребёнка. Артём принял его одной рукой. Мальчик был жив, не ранен, только обезумел от страха. Он вцепился Артёму в ворот.

Обратный путь уже закрывался. Дверной проём превратился в щель шириной с плечи. Илана протолкнула ребёнка. Снаружи его подхватили. Артём полез следом, но балка рухнула перед ним. Она легла одним концом на пол, другим на стену и перекрыла щель.

Илана подняла топор.

— Не руби! — Артём схватил её за запястье. — Потолок на ней.

Он показал наверх, на балку, потом на пол. Илана поняла и замерла.

Снаружи тянули верёвку. Артём ослабил её, чтобы не свалили с ног. Осмотрелся. Печь наполовину исчезла в камне, но её железная дверца осталась. Рядом лежала тяжёлая доска от стола.

Нужно было не убрать балку, а принять её нагрузку раньше, чем расширять проход.

Он поставил доску вертикально под потолочный брус. Слишком длинная. Илана подала топор. Артём отмерил ладонью лишнее, она обрубил край двумя точными ударами. Вместе они вбили подпорку под брус. Для устойчивости Артём снял с печи железную дверцу и подложил под низ.

Только после этого они приподняли упавшую балку и сдвинули её на ширину ладони.

Илана пролезла. Артём двинулся за ней.

В этот миг башни ударили полным голосом.

Синяя вспышка прошла через стены. Камень сомкнулся вокруг подпорки. Доска заскрипела, выгнулась, но удержала брус. Артём протиснулся боком. Край стены зажал рюкзак. Он дёрнулся — без толку.

Илана схватила его за ремень. Снаружи тянули верёвку.

— Стойте! — крикнул Артём.

Его тянули сильнее. Ремень врезался в живот. Тогда он расстегнул пряжку рюкзака и выскользнул из лямок. Илана упала вместе с ним на улицу.

Проём закрылся. Рюкзак остался внутри.

Артём лежал на спине и смотрел, как исчезает последний кусок пекарни. Камень прошёл по вывеске, по двери, по стене. Через несколько секунд на месте дома возвышался древний фасад без окон. Даже запах хлеба стал слабее.

Рони стоял рядом и плакал беззвучно. Старуха прижимала его к себе, но называла другим именем.

— Рони, — поправил Артём.

Она растерянно посмотрела на него.

Илана развязала на своей верёвке новый узел. Произнесла имя мальчика и заставила старуху повторить. Потом каждого из шестерых. Не пятерых — шестерых.

Солдат держал металлическую пластину. На ней по-преж-

нему было пять чёрточек.

Илана вырвала пластину и бросила на землю.

Улица за их спинами менялась. Навесы исчезали в кладке. Двери становились нишами. Каменные желоба поднимались, заставляя людей карабкаться. Широкий выход к перекрёстку уже сузился.

Они двинулись обратно.

Теперь Илана шла последней, касаясь рукой стены и проверяя, не отрезает ли та путь. Артём нёс Рони. Раненого тащили мужчины. Остальные держались за верёвку. Каждый узел обозначал человека; Илана вслух называла имена при каждом повороте.

На первой развилке юноша вдруг остановился.

— Пять, — сказал он на своём языке и показал пять пальцев.

Старуха держала Рони за руку, но посмотрела на мальчика как на чужого.

Артём ударил по стене три раза.

Илана ответила тремя ударами и назвала шесть имён. Все повторили. Рони — последним.

Они пошли дальше.

Возле маленькой карты улица уже исчезла. Вместо коричневой линии было серое поле. Илана сорвала карту со стены и сунула Артёму.

Он посмотрел на неё и понял, что это не просьба сохранить лист. Она показывала доказательство.

— Карта говорит, что улицы нет, — сказал он. — Поэтому город делает так, чтобы её не было.

Илана указала сначала на карту, потом на башни. Кивнула.

— А кто меняет карту?

Она подняла два пальца, поставила их на плечо, как знак высокого шлема, и провела рукой по горлу.

Военные. Приказ. Или конкретный командир.

Артём вспомнил металлическую пластину с пятью чёрточками. Ребёнок не потерялся случайно. Его не посчитали до того, как улицу стёрли.

На широкой дороге было светлее. Здесь белые знаки под ногами сияли, а камни оставались неподвижными. Толпа двигалась к верхним ярусам. У каждого перекрёстка стояли солдаты и направляли людей по отмеченным улицам. Нижние проходы перегораживали верёвками.

Илана повела свою группу не к верхним ярусам, а обратно вниз.

Солдат у ограждения преградил путь. Он увидел раненого, детей и позволил пройти, но задержал Артёма. Позвал старшего.

Пришёл широкоплечий мужчина в медном панцире. На его плаще был знак трёх башен. Он осмотрел Артёма, потрогал ткань куртки, забрал сорванную карту. Задал вопрос Илане.

Она ответила коротко.

Мужчина снова спросил. Илана указала на Артёма и повторила тройной стук по собственной ладони. Несколько беженцев вокруг обернулись. Кто-то постучал в ответ.

Старший нахмурился. Он достал из сумки сложенный лист и развернул. Это была ещё одна карта, чище и точнее прежних. На ней серое пятно нижних ярусов занимало почти треть города.

Мужчина показал Артёму на серый участок и сказал:
— Ней.

Артём покачал головой.

Он взял у Иланы угольный стержень. Нарисовал на краю листа шесть чёрточек. Потом ткнул пальцем в серое пятно и произнёс имена, которые только что выучил: Мара, Рони и ещё четыре, повторяя за Иланой. Затем добавил Таю и Лира.

Восемь чёрточек.

— Есть, — сказал он по-русски. — Люди там есть.

Старший не понял слов, но смысл понял. Он сложил карту и убрал. Жестом велел Илане увести чужака вниз. Перед тем как отвернуться, постучал пальцем по своему виску, показывая, что Артём безумен.

Через несколько шагов он окликнул их.

Артём обернулся.

Мужчина смотрел на серый участок сложенной карты и неуверенно хмурился. Потом спросил у солдата рядом, кого только что пропустил. Тот пожал плечами.

Они уже начинали забывать группу, стоявшую в десяти шагах.

Илана резко потянула верёвку. Все восемь человек назвали себя. Старший вздрогнул, поднял взгляд и снова увидел их.

На обратном пути Артём учил слова.

Илана показывала: камень — «тар», вода — «эва», башня — «оран», человек — «сен». Артём повторял. Потом показывал сам и называл по-русски. Она отвечала. Их словарь рос медленно и был полон ошибок. Но к нижнему двору они умели сказать друг другу «стой», «опасно», «слушай» и «сколько».

Внизу Тая встретила их тремя ударами по перилам.

Лиор лежал на одеяле, нога была приподнята. Возле него сидела женщина в кожаном переднике и меняла повязку. Увидев Артёма, мальчик улыбнулся и назвал его имя.

Артём пересчитал людей, которых привели с улицы. Шесть. Потом детей из закрытой комнаты. Двое. Все на месте.

Илана подвела его к карте в раме. Серое поле расширилось. Двор ещё сохранял очертания, но линия единственного прохода стала тонкой.

Она показала на солнце. Край диска почти исчез за стеной.

Потом на двор, на карту и на людей вокруг. Развела руками: куда?

Артём понял. Следующим исчезнет место, куда они только что спасли жителей.

Он взял маркер у Таи и написал имена на светлых камнях стены. Русские буквы здесь никто не прочитает. Тогда рядом нарисовал простой знак: человек, дом и три точки. Илана добавила местные знаки. Другие жители начали приносить деревянные дощечки, черепки, куски ткани. На каждом отмечали имя и дом. Верёвки протянули через весь двор, завязывая по узлу на каждого человека.

Это не могло остановить башни. Но могло не дать людям исчезнуть из памяти без следа.

Артём поднялся на ящик и постучал по медной трубе три раза.

Двор замолчал.

Он ещё не умел говорить с этими людьми. Поэтому показывал. Коснулся уха. Указал на закрытые проходы. Поднял руку, требуя тишины.

Илана повторила его жест и сказала несколько фраз. Люди начали гасить разговоры. Плачущих детей взяли на руки. Инструменты положили на землю. Даже дозорный на мостке перестал ходить.

Тишина разошлась по нижним ярусам не сразу. Сначала замер их двор. Потом соседний. Дальше кто-то ещё продолжал стучать, не понимая. Илана послала мальчика по лестнице, женщину — в проход, двух мужчин — к колодцу. Те передали знак.

Когда стих последний молоток, Артём приложил щуп к полу.

Под городом звучала целая россыпь ударов.

Не один закрытый дом и не пятеро забытых жителей. Десятки людей стучали из помещений, которых уже не было на карте. Кто-то бил часто от страха. Кто-то берёг силы и повторял три удара через длинные паузы. Один звук шёл очень глубоко, почти ниже порога слуха.

Артём передал щуп Илане. Она прижала рукоять к уху. Её лицо изменилось.

Она нашла на верёвке два старых узла, затёртых от постоянных прикосновений. Назвала два имени:

— Ора. Сейн.

Потом показала на себя.

Артём понял: семья.

Илана указала вниз, на серое пятно карты. Она не знала, оттуда ли пришёл стук. Но имена носила с собой, чтобы не позволить городу стереть их окончательно.

Последний край солнца исчез.

Три башни вспыхнули одновременно.

Гул прокатился над Эйр-Кадом. Карта под навесом дрогнула, словно её натянули. Серое пятно стало больше. Проход, через который они вернулись, начал зарастать камнем.

Люди отступили, но не закричали.

Артём снова ударил по трубе три раза.

Из-за закрывающейся стены ответили.

Илана взяла его за запястье и положила ладонь на свою верёвку. Там, среди множества узлов, был один новый — неровный, затянутый наспех.

— Артём, — сказала она.

Он посмотрел на узел.

В этом городе человека можно было потерять раньше, чем он умер. И проводница, знавшая это лучше других, только что привязала его имя к своей памяти.

Артём коснулся двух затёртых узлов.

— Ора. Сейн.

Илана кивнула.

За стенами били осадные машины. Под землёй отвечали люди, которых карта уже отвергла. А между ними двор учился молчать, чтобы слышать всех.

Глава 3. Правило трёх ударов

Первый осадный камень упал в верхнем городе ещё до рассвета.

До нижнего двора дошёл не сам удар, а тяжёлый толчок пола. С навеса посыпалась известь, вода в чашах дрогнула, и десятки людей одновременно заговорили. Кто-то схватил ребёнка, кто-то потянулся к лестнице, кто-то принялся собирать лежавшие у стены доски.

Артём проснулся сидя. Ночью ему отвели угол возле Лира, но лечь он так и не решился: тело после тоннеля ныло, левое плечо отзывалось на каждый поворот, а в голове продолжали звучать удары из-под города.

Тая уже стояла у медной трубы.

Она посмотрела на Артёма и ударила три раза.

Не тревога. Вопрос.

Он поднялся, показал раскрытую ладонь и коснулся уха. Подождать. Слушать.

Второй камень пришёл через несколько вдохов. На этот раз где-то наверху лопнула кладка. По лестничному колодцу прокатился крик. Люди во дворе снова зашумели.

Илана появилась из прохода вместе с двумя мужчинами. На её плаще лежала белая пыль. Она быстро произнесла несколько фраз, указала наверх и сложила ладони домиком. Потом резко развела их.

Дом разрушен.

— Где?

Илана взяла его за рукав и повела. Тая шагнула следом, но Артём остановил её. Показал на Лиора, затем на трубу. Девочка нахмурилась, однако осталась. Теперь у двора должен был быть человек, который собирает тишину, а не бежит за каждым шумом.

Они поднялись на два яруса. Воздух пах горячим камнем и мукой. Улица, по которой вчера выводили людей, исчезла, зато параллельный проход оставался открытым. В его конце стояла пекарня — не та, что сомкнулась на закате, а большой хлебный склад с тремя печами. Передняя стена осела внутрь. Крыша держалась на наклонённой балке. Из белого облака выбегали люди с корзинами, будто хлеб ещё можно было спасти.

Артём насчитал девять вышедших. Илана схватила хозяйку за плечи и стала спрашивать. Та ответила, затем посмотрела на склад и сбилась. Назвала одно число, другое.

К ним подбежал мальчишка с обожжёнными руками. Он кричал и показывал под обвал.

Илана повернулась к Артёму.

— Сен. Тар.

Люди под камнем.

Артём подошёл к пролому. Лезть сразу было нельзя. Верхний край стены висел без опоры, а балка медленно сползала. Он поднял щуп, но вокруг били лопатами, таскали корзины,

звали родных. За этим шумом не услышишь человека даже в соседней комнате.

Он нашёл железный противень и трижды ударил по нему рукоятью лопатки.

Несколько человек замолчали. Остальные приняли звук за новый приказ и задвигались быстрее.

Артём ударил ещё раз, медленнее. Три отдельных удара. Поднял обе руки.

— Тишина!

Илана повторила местное слово. Хозяйка пекарни закричала на своих. Лопаты остановились одна за другой. Последним затих мужчина, который пытался вытащить из щели мешок.

Артём лёг у края обвала и ввёл щуп между плитами. В наушниках, чудом переживших перенос, шёл шорох оседающей муки. Слева потрескивала балка. Справа катились мелкие камни. Человеческого ответа не было.

Он трижды стукнул по плите.

Подождал.

Ничего.

Сдвинул щуп на полметра и повторил. На этот раз из глубины пришёл частый слабый звон, словно ложкой задевали горшок.

Люди вокруг вскрикнули. Артём резко поднял ладонь. Звон исчез под голосами.

— Молчать после сигнала, — сказал он, хотя понимала

его одна интонация. — Три удара. Потом ждём.

Он показал на противень, трижды коснулся его пальцем, затем прижал ладонь к уху. Илана повторила движение и объяснила остальным. Мужчина с мешком кивнул слишком быстро, поднял камень и ударил им пять раз.

— Нет.

Артём забрал камень. Три удара. Пауза. Ладонь у уха. Потом ещё три.

Хозяйка повторила правильно. Из-под плит ответили — тоже три раза.

На этот раз никто не заговорил.

Ответ шёл справа от печей. Артём провёл углём линию по уцелевшей стене и поставил три точки. Потом начал осматривать завал. Большие светлые блоки лежали вперемешку с красным печным кирпичом. Он показал на верхний блок и велел готовить верёвку.

Седой пекарь схватил его за руку.

— Нет.

Старик сунул пальцы в щель, вытащил щепоть белого порошка и растёр на ладони. Затем показал на светлый блок, на печь и сделал жест падающей волны.

Артём присмотрелся. Это был не камень. Слежавшаяся смесь золы, извести и мелкого щебня закрывала старую кладовую. С виду цельная, она могла рассыпаться от рывка и заполнить пустоту, где сидели люди.

Он кивнул старику и зачеркнул свою линию.

Местные знали этот дом лучше. Его работа была не командовать любой ценой, а сделать так, чтобы их знание не утонуло в панике.

Старик показал другой путь: через низкий угольный лаз за третьей печью. Вход засыпало кирпичом, но свод там был сложен дугой и ещё держался.

Артём разделил людей жёстами. Четверо разбирают лаз. Двое подносят доски. Один следит за балкой. Хозяйка остаётся у противня. Каждые несколько минут — три удара и полная тишина.

Илана привязала к запястьям работающих короткую верёвку с тремя одинаковыми узлами. Провела пальцем от первого к третьему, затем указала на противень. Получился знак, который не требовал общего языка.

Работа пошла медленно. Кирпичи вынимали руками и передавали назад. После очередного толчка наклонная балка просела на толщину пальца. Человек-наблюдатель закричал. Все выскочили из пролома прежде, чем с крыши сорвалась черепица.

Артём осмотрел балку. Подпереть её одной стойкой было нельзя: низ стоял на муке и мелком щебне. Нагрузка продавит опору. Он показал широкое основание, сложив ладони крестом.

Пекари принесли две толстые доски. Старик снова остановил его и ткнул ножом в древесину. Внутри доски чернела гниль.

Артём отбросил её. Нашли створку двери, сбили петли, уложили плашмя. Поверх поставили короткую стойку, а между стойкой и балкой забили клинья. Илана работала молотом вместе с седым пекарем. Артём держал ладонь на древесине и чувствовал, как меняется дрожь. Когда стойка приняла вес, балка перестала ползти.

Три удара.

Все замерли.

Изнутри ответили один раз, потом ещё два, с длинной паузой.

Слабее.

Артём показал на воду. Хозяйка назвала два имени и прижала кулак к груди. Внизу были двое. Возможно, им не хватало воздуха. Мука забивала любую щель.

Угольный лаз открыли до половины. Из него дохнуло жаром. За третьей печью всё ещё тлели угли, и тяга шла внутрь завала. Если вскрыть проход сверху, пыль могла вспыхнуть. Артём не знал местных печей, зато знал, как быстро замкнутое помещение становится ловушкой.

Он потребовал погасить огонь.

Старик замотал головой. Вода на горячем камне даст пар людям за стеной. Он схватил мешок с сырой глиной и указал на печной зев.

Они залепили щели глиной, перекрыли тягу железными листами. Только после этого продолжили разбор.

Артём поймал себя на том, что второй раз за утро соби-

рался применить привычное решение там, где местный материал вёл себя иначе. В Екатеринбурге у него были схемы здания, связь с инженером, приборы и люди одной подготовки. Здесь оставались глаза, руки и право любого человека сказать «ней» до того, как станет поздно.

Он показал Илане на себя, затем дважды коснулся виска и развёл руками: не знаю. После этого указал на старика и хозяйку.

Илана поняла. Она громко сказала собравшимся несколько фраз и завершила словом, которое вчера означало «стой». Потом показала на каждого работающего.

Останавливать работу мог любой.

Мальчишка с обожжёнными руками первым воспользовался этим правом. Он заметил, что по муке у стены побегала тонкая трещина, и закричал. Люди отступили. Через миг с карниза рухнул блок. Если бы они продолжали вытаскивать кирпичи, он лёг бы прямо на спины двоим.

Артём провёл углём черту вокруг опасного места и кивнул мальчишке. Тот расправил плечи. Теперь он не мешал взрослым. Он был наблюдателем.

Сигнал повторили. Ответа не пришло.

Хозяйка побледнела и рванулась к лазу. Илана удержала её. Артём лёг на живот и протиснул шуп дальше. Сначала слышал только скрежет. Потом — дыхание, короткое и сиплое. Люди были живы, но стучать уже не могли.

Он отметил направление. Лаз поворачивал за печь, где

свод был цел. Разбирать сверху больше не требовалось. Нужно было расширить ход и не потревожить насыпь.

Внутри полез самый худой пекарь. Артём обвязал его верёвкой, дал лопатку и показал: не тянуть лежащие поперёк деревянные. Пекарь исчез по плечи, потом по пояс. Через некоторое время верёвка дёрнулась трижды.

Илана подняла руку. Все замолчали.

Из лаза донёсся голос. Пекарь нашёл людей, но путь закрывала полка, зажата между плитой и полом.

Артём пополз следом.

Внутри было темно и тесно. Печь отдавала жаром через одежду. Каждый вдох приносил вкус муки и глины. В свете маленького фонаря показалась полка. Она стояла наклонно, удерживая кучу битого кирпича. За ней лежала женщина, прикрыв собой пожилого мужчину. У женщины была рассечена бровь. Мужчина не двигался, но грудь поднималась.

Пекарь хотел рубить полку.

Артём поймал его руку. Если убрать дерево, кирпичи посыплутся на пострадавших. Нужна была вторая опора.

Места для стойки не оставалось. Тогда Артём попросил короткие доски. Их передавали по цепочке. Он сложил возле полки клетку: два бруска вдоль, два поперёк, слой за слоем. Такую опору можно было наращивать в низкой щели. Местные сначала смотрели недоверчиво, затем старик снаружи прислал клинья необычной формы — широкие, с насечками. Они не выskalзывали из пыльного дерева.

Клетка приняла кирпичи. Артём проверил её ладонью, затем позволил отпилить нижний край полки. Дерево скрипнуло. Завал осел на ширину ногтя и остановился.

Женщину вытянули первой. Она пыталась что-то сказать, но кашляла мукой. Мужчину пришлось переворачивать на кусок двери и тащить как на щите. Когда его голова показалась из лаза, хозяйка пекарни упала на колени.

Она назвала имена. Илана тут же завязала два узла.

Артём проверил дыхание мужчины, очистил рот, запрокинул голову. Тот судорожно вдохнул и закашлялся. Толпа загудела от облегчения.

В этот миг третий осадный камень ударил куда-то совсем близко.

Улица качнулась. Подпорка под крышей хрустнула. Мальчишка-наблюдатель крикнул раньше всех. Люди подхватили пострадавших и выбежали. Артём выскочил последним вместе с пекарем. За их спинами передняя часть склада сложилась, подняв белое облако.

Хозяйка снова бросилась вперёд.

— Все вышли? — спросил Артём.

Она не поняла. Он показал пальцами число. Илана повторила вопрос.

Хозяйка огляделась, назвала людей и замолчала. Лицо стало пустым. Карта уже делала своё: разрушенный дом начинал выпадать из памяти вместе с теми, кто оставался внутри.

Артём поднял противень и ударил три раза.

Толпа умолкла.

Из-под нового обвала ответили.

Не из той точки, где нашли двоих. Дальше, ближе к задней стене.

Хозяйка закрыла рот ладонью. Потом выкрикнула ещё одно имя.

Седой пекарь замотал головой. Он показывал на склад и держал четыре пальца, хозяйка — пять. Они спорили, забывая человека прямо посреди спора.

Артём снова ударил. Ответ пришёл едва слышно.

Он не позволил людям броситься на свежий завал. Поднял руку, указал на подпорку, затем на наблюдателей. Прежний вход был потерян. Требовалось начать поиск заново.

Илана встала перед хозяйкой и заставила её перечислить всех работников с утра. Имена повторяли по кругу. На пятом имени старик вздрогнул и ударил себя ладонью по лбу. Он вспомнил девушку, которая относила хлеб в заднюю кладовую.

Один из носильщиков хотел стучать непрерывно, чтобы она не решила, будто её бросили. Артём остановил его. Если все будут бить когда захотят, они перестанут различать ответ.

Он начертил углём на уцелевшей стене круг, разделил его на части и поставил возле каждой три точки. Солнечные часы здесь никто не использовал, но порядок люди поняли.

Сигнал подаёт один наблюдатель. Остальные молчат. После ответа направление отмечают на стене и верёвке. Между сигналами слушают осадные удары и движение кладки.

Илана добавила к рисунку три узла и назначила людей. Тая, прибежавшая из нижнего двора с ещё одной верёвкой, быстро схватила смысл. Она обошла соседние дворы и вернулась с детьми и стариками, которые не могли таскать камни, но могли слушать.

Артём сначала хотел прогнать детей подальше. Потом увидел, как Тая расставляет их у разных стен, каждому даёт дощечку с тремя отметками и связывает посты одной верёвкой. Они не лезли в завал. Они делали то, что взрослые в спешке забывали: берегли тишину.

Сигнал ушёл по улице. Три удара у пекарни. Пауза. Три удара в соседнем дворе, предупреждающие о минуте молчания. Потом ещё дальше. Молотки затихли, телеги остановились, даже раненые говорили шёпотом.

В общей тишине ответ девушки стал отчётливее.

Он шёл не через верх завала, а по глиняной трубе под стеной. Старик узнал трубу: по ней когда-то подавали воздух к дальней печи. Выход находился в боковом переулке.

Они обошли склад и нашли заложенное кирпичом отверстие. Здесь кладка не несла крышу. Разбирать можно было безопаснее. Через четверть часа в щели показались пальцы.

Девушку звали Сава. Ей было не больше двадцати, но она оказалась взрослой и работницей, а не ребёнком, каким Ар-

тём сперва её принял. Она сидела в воздушном кармане между мешками и задней стеной. Когда пролом расширили, Сава не полезла наружу. Показала за спину.

Там лежал ещё один человек — в форме городского солдата.

Пекари заговорили зло. Солдат был из тех, кто вчера перекрывал нижние проходы. Сава заслонила его собой и трижды стукнула по трубе.

Живой.

Артём кивнул. Сначала вытащили солдата, затем её. У солдата была сломана рука и глубокая рана на бедре. Мева Сор, лекарка в кожаном переднике, пришла из нижнего двора и сразу прижала к ране сложенную ткань. Она посмотрела на Артёма, на его аптечку и коротко назвала себя. Он узнал женщину, которая перевязывала Лиора.

Они работали рядом. Артём затянул давящую повязку, Мева проверила пальцы сломанной руки и наложила местные деревянные пластины. Солдат пришёл в себя, увидел пекарей и попытался встать. Сава удержала его здоровую руку.

Илана спросила, сколько людей было на складе. Теперь отвечали не по памяти одного человека. Тая разложила узлы. Хозяйка называла имена, пекари касались своих узлов, Мева отметила пострадавших. Пятеро под завалом: двоих нашли в кладовой, Сава и солдат вышли через трубу, пятый ответ оказался голосом той же трубы, перенесённым кладкой.

Артём не поверил последнему сразу. Он обошёл завал, по-

дал сигнал с трёх точек и сравнил ответы. Больше никто не стучал.

Только после третьей проверки он разрешил людям уйти. К полудню правило появилось во всём нижнем ярусе.

Три удара означали не просто «я жив». Они означали: замолчи и дай услышать. Три удара из-под стены требовали ответа наблюдателя. Три удара по медной трубе собирали минуту тишины. Никто не начинал разбор, пока не были назначены человек у сигнала и человек у трещин. Любой мог крикнуть «стой», если видел движение камня.

Артём нарисовал знаки на дощечках. Илана связала их верёвками. Пекари добавили правило для печей и золы. Каменщики — знаки опасной кладки. Мева потребовала отдельное место для вынесенных раненых, чтобы толпа не перекрывала воздух и проход.

Это уже не было его правилом. Оно стало общим именно потому, что каждый исправил в нём то, чего Артём не знал.

Под вечер на улицу пришёл широкоплечий офицер в медном панцире — тот самый, что вчера показывал серое поле карты. С ним были шесть солдат и молодой человек с узкой сигнальной трубой за спиной.

Офицер увидел верёвки, наблюдателей и знаки на стенах. Его лицо потемнело. Он потребовал освободить улицу.

Илана ответила спокойно. Показала на спасённых, на разрушенную пекарню, на пять узлов.

Офицер вытащил карту. На месте склада уже лежало се-

рое пятно. Он ткнул туда пальцем и произнёс:

— Ней.

Нет.

Сава подошла к нему и трижды ударила по глиняной трубе.

Вся улица замолчала.

Из глубины города пришли ответы. Один справа. Два снизу. Ещё один далеко, за исчезнувшим кварталом.

Офицер услышал их. На короткое мгновение его взгляд дрогнул. Затем он свернул карту и приказал солдатам снять верёвки.

Первый солдат взялся за узел. Тая встала перед ним. Она была ниже его груди и не пыталась драться. Просто ударила по дощечке три раза.

Пекари ответили. Потом нижний двор. Потом колодезники за стеной.

Сотни людей не кричали и не двигались. Они слушали.

Молодой связист с трубой за спиной неожиданно поднял руку, останавливая солдата. Он сказал офицеру несколько быстрых слов и указал на дальний ответ. Возможно, даже военным нужен был способ находить своих после удара.

Офицер долго смотрел на Артёма. Потом назвал имя:

— Кайр Дорн.

Артём понял не сразу. Полководец представился сам — или велел запомнить того, кому принадлежит приказ.

— Артём Серов.

Дорн повторил фамилию с трудом. Затем показал на центральную башню, на Артёма и на карту. Завтра. Наверх.

Он не принял правило нижнего города. Он решил забрать человека, который его ввёл.

Когда солдаты ушли, Илана завязала на верёвке новый узел и назвала молодого связиста:

— Эл Нар.

Артём посмотрел ему вслед. Эл шёл рядом с Дорном, но дважды обернулся на стены, из которых приходили ответы.

Солнце клонилось к башням. Скоро карта снова должна была стать законом для камня.

Артём поднял противень.

Три удара прошли по нижнему городу.

Люди замолчали. Наблюдатели приложили ладони к стенам. И в короткой тишине, пока полководец разворачивал наверху новую карту, вычеркнутые улицы назвали себя живыми.

Глава 4. Карта полководца

За Артёмом пришли до рассвета.

Он проснулся от трёх ударов и сел, ещё не открыв глаз. Первой мыслью был завал. Рука сама нашла щуп у стены. Потом удары повторились — не по камню, а в дверь, ровно и неторопливо. Так стучал человек, который уже знал новое правило и не собирался ждать ответа.

В нижнем дворе горели две чаши с маслом. Между ними стоял Эл Нар. Молодой связист был без шлема, с узкой медной трубой за плечом. На его тёмной куртке поблёскивали капли утренней сырости. За ним ждали четверо солдат.

Тая спала у дальней стены, положив ладонь на верёвку с узлами. При стуке она тоже поднялась. Лиор рядом с ней заворочался, но Мева удержала его за плечо: мальчику ещё нельзя было вставать на повреждённую ногу.

Илана уже не спала. Она сидела у входа, чинила ремень и, увидев Эла, не удивилась. Только добавила на верёвке один простой узел — человек пришёл — и посмотрела на Артёма.

Дорн требовал его наверх.

Артём умылся водой из общего кувшина, затянул ботинки и проверил, что осталось при нём. Щуп, нож, лопатка, фонарь с почти севшей батареей, моток тонкой стропы. Рацию он оставил в своей нише: кирпич с антенной весил лишнее, а голоса из Екатеринбурга всё равно не было. Зато взял об-

ломок дощечки с тремя угольными точками.

Илана поднялась вместе с ним.

Один из солдат загородил ей путь. Эл сказал ему короткую фразу, но тот покачал головой. Приглашение предназначалось только чужаку.

— Тогда я не понимаю, — сказал Артём.

Он коснулся уха, указал на Илану и сложил руки на груди. Смысла жестов хватило. Солдат усмехнулся и потянулся к его локтю.

Артём не отступил. Он не собирался устраивать драку в тесном дворе и понимал, чем она закончится. Просто опустил щуп на камень и трижды постучал.

Тая сразу села. За стеной ответил ночной пост. Потом ещё один. Солдаты переглянулись. Они слышали не угрозу, а напоминание: человека, которого хочет получить Дорн, нижний город теперь замечает.

Эл устало провёл пальцами по лицу. Снял с пояса небольшую дощечку, написал на воске несколько знаков и протянул её старшему. Тот прочитал, выругался, но отошёл.

Илана пошла с ними.

Дорога к центральной башне поднималась через город ярусами. Артём видел Эйр-Кад до сих пор только снизу — как ряд подпирающих друг друга стен. С высоты стало заметно, что город построен не на одном холме. Он лежал на обломках чего-то гораздо большего. Из жилых домов торчали гладкие рёбра древних сооружений, похожие на опроки-

нутые мосты. Поздние каменные лестницы огибали колонны толщиной с дом. В трещинах между ними лепились рынки, мастерские, цистерны.

Чем выше они поднимались, тем шире становились улицы. Здесь ещё торговали. Женщина раскладывала на ткани сухие корни. Двое мальчиков катили бочку с водой. У дверей булочной стояла очередь, короткая и молчаливая. На каждом перекрёстке солдат сверялся с медной пластиной и касался выбитого на стене знака.

Ниже никто не спрашивал у стены разрешения пройти.

Артём заметил это на четвёртом посту. Гладкая арка была целой, однако солдаты остановились перед ней, пока Эл не вставил в щель узкую пластинку. Внутри стены что-то отозвалось низким звоном. Только тогда проход стал глубже, словно за аркой отодвинули нарисованный задник.

Илана коснулась его рукава и показала вверх, на центральную башню.

Карта не только закрывала низы. Наверху она открывала тем, кто был в неё внесён.

Перед площадью их остановил обоз. Шесть телег с зерном шли от северных ворот. Мешки лежали высоко, но люди рядом смотрели голодными. На первой телеге сидел раненый возница. Его рубаха потемнела от крови. Артём шагнул к нему, однако солдат опять перегородил путь.

Мева здесь была бы полезнее, но даже Артём видел: повязка на боку съехала. Возница держался только потому, что

ремень телеги не давал ему упасть.

Артём показал на рану и на чистую ткань у себя в кармане. Старший разрешил.

Пока он поправлял повязку, возница говорил быстро, за-хлёбываясь. Эл перевёл отдельными словами, сопровождая их жестами. Северная дорога открылась ночью. Обоз про-рвался через осадные позиции. Из двенадцати телег дошли шесть. Ворота за ними закрылись и теперь до нового заката останутся там, где их указала башня.

Возница схватил Артёма за запястье и назвал несколько имён. Эл отвёл глаза.

— Где остальные? — спросил Артём.

Эл указал за городскую стену, потом провёл пальцем по ладони, будто стирал след.

Оставшиеся телеги были не просто потеряны. Дорога, по которой они шли, исчезла с карты после прохода обоза.

С площади центральная башня казалась не построенной, а выкопанной из глубины и поставленной стоймя. Её нижняя часть была из обычного серого камня, вся в поздних лест-ницах и пристройках. Выше начинался чёрный материал без швов. По нему бежали медные полосы. На вершине между рёбрами висел бледный огонь, хотя солнце ещё не подня-лось.

Внутри пахло горячим металлом и мокрым известняком. Люди Дорна занимали первые три этажа: склады, оружей-ные, помещение для гонцов, лазарет. Выше стены стали глад-

кими. Подъёмная лестница шла вокруг пустой сердцевины. По ней тянулись медные жилы, закреплённые деревянными клиньями.

Артём машинально оглядывал своды. Древняя кладка держалась хорошо. Опасность создавали новые крепления: одна площадка просела, две стойки были поставлены на раскрошенный край. Он остановился и коснулся трещины.

Солдат подтолкнул его.

— Если она уйдёт, — сказал Артём, указывая на площадку, — вниз полетят все.

Эл понял не слова, а рисунок, который Артём быстро нарисовал углём на стене: плита, трещина, падающие люди. Связист позвал рабочего. Тот постучал по камню, нахмурился и велел поднести брус.

Старший солдат перестал торопить Артёма.

Кайр Дорн ждал в круглом зале под самым огнём. Вчера на улице он казался широкоплечим офицером, привыкшим, что люди освобождают ему дорогу. Здесь, среди карт, было видно другое: он почти не двигался без причины. Даже когда вошли гости, полководец не повернул голову сразу. Он закончил чертить линию, отложил металлическое перо и лишь затем посмотрел на Артёма.

На большом каменном столе лежала карта Эйр-Када.

Она не была листом. Тонкие пластины светлого камня сходились без зазоров, и на них проступали улицы — красные, жёлтые и чёрные. Там, где вчера Артём видел серое пят-

но нижнего города, теперь лежала пустая шероховатая поверхность. Не цвет. Отсутствие рисунка.

Вдоль стен стояли другие карты. Одни показывали наружные укрепления, другие — колодцы и склады. На третьей город был разделён на небольшие клетки, в каждой значилось число. Артём не знал местных знаков, но понимал назначение такого листа. Люди. Хлеб. Вода. Сколько можно удерживать участок.

Дорн указал на дощечку с тремя точками в руке Артёма. — Серов, — произнёс он почти правильно.

Потом ткнул в один из участков карты. Эл приложил медную трубку к гнезду в столе и заговорил в неё. Голос ушёл вниз и вернулся из стены возле Артёма — тише, но уже с другими звуками. Древний механизм не переводил речь. Он менял её так, что смысл возникал рядом со словами, как воспоминание о недавно выученном языке.

— Твой стук нашёл одиннадцать моих людей за два дня, — сказал Дорн.

Артём посмотрел на Илану. Она тоже слышала речь понятнее, хотя морщилась, словно от гула в зубах.

— Не мой стук. Люди слушали друг друга.

Эл повторил ответ в трубку. Стена вернула его Дорну.

Полководец коснулся карты. Одиннадцать маленьких медных точек вспыхнули в разных кварталах.

— Люди слушают, когда им приказывают. Ты дал им простой приказ.

— Я дал знак остановиться. Это не одно и то же.

Дорн чуть улыбнулся. Не насмешливо — как человек, увидевший инструмент и проверивший остроту.

Он провёл пером вдоль западной стены. На карте появилась красная линия. Почти сразу башня загудела. Звук ушёл в пол, и по пластинам пробежала дрожь. В узком окне Артём увидел, как далеко внизу раскрывается улица: два дома словно разошлись плечами, выпуская колонну солдат.

Дорн поставил ещё одну метку. Севернее закрылась арка.

— Каждый закат враг решает, где ударить, — сказал он.

— Каждый закат я решаю, какие улицы останутся улицами.

Ошибка — это ворота в доме, где спят дети.

Он показал на шесть телег, уже въезжавших на складскую площадь.

— Сегодня карта дала зерно на четыре дня.

Артём вспомнил человека на телеге, цеплявшегося за его запястье.

— И оставила шесть телег за стеной.

— Если бы дорога оставалась, следом вошла бы тысяча вражеских копий.

Ответ был готов заранее, но от этого не становился ложью. Дорн не скрывал цену. Он раскладывал её перед Артёмом так же спокойно, как брусья под плитой.

Полководец подозвал офицера у стены. Тот принёс две чашки, высыпал на стол тёмные и светлые камешки. Светлых было меньше. Дорн поставил их в узком проходе на карте,

тёмные окружил вокруг. Затем передвинул одну пластину. Проход исчез, тёмные камешки упёрлись в сплошную стену, а светлые оказались в другой улице.

— Три дня назад я потерял двести сорок человек, чтобы вывести из северного двора восемьсот жителей. Вчера я закрыл улицу и потерял двадцать семь. Спас две тысячи.

Он не спрашивал, что выбрал бы Артём. Он показывал выбор, уже сделанный.

— А те, кого вычеркнули? — спросил Артём.

Дорн положил ладонь на пустую нижнюю часть карты.

— Там остались девять тысяч семьсот, когда мы считали в последний раз.

Илана резко произнесла что-то. Трубка передала её слова:

— Двенадцать тысяч. Имена есть на верёвках.

Дорн впервые посмотрел прямо на неё.

— Верёвка не выдаёт хлеб.

— Карта тоже. Люди выдают.

Эл замер возле трубки. Он мог бы смягчить её слова, но не стал.

Дорн снял с края стола деревянную планку. На ней были вырезаны короткие черты — запасы зерна по дням. Затем положил рядом другую, с отметками воды. Артём не умел читать цифры, зато видел, как быстро черты сходятся к нулю.

— Я могу включить нижние дворы в карту, — сказал полководец. — Тогда улицы останутся. Башни удержат проходы. Через два дня колодцы опустеют. Через четыре кончится

зерно. На шестой день люди откроют ворота сами.

— Вы можете искать другие выходы.

— И ты их найдёшь?

Вопрос прозвучал без издёвки. Артём не ответил. Он видел три дня этого города и не имел права обещать путь, которого не знал.

Дорн подошёл к окну. Оттуда просматривалась равнина за стенами. В утреннем тумане стояли осадные лагеря, тёмные и правильные. Между ними шли ряды щитов. Дальше горели сигнальные костры.

— Их полководец знает башни, — сказал Дорн. — Он был моим картографом. Он ждёт, когда я нанесу на карту всё, что хочу сохранить. Тогда прочитает линии и ударит туда, где город не может измениться.

Он вернулся к столу и положил палец на нижний ярус.

— Пустое место кажется слабостью. Поэтому он готовит штурм отсюда.

На боковой карте Эл развернул тонкую пластину. За внешней стеной, напротив нижних кварталов, проступили три группы вражеских знаков. Осадные машины. Лестницы. Люди.

Артём понял раньше, чем Дорн договорил.

Полководец не просто отказался спасти нижний город. Он оставил его за пределами карты как приманку. Враг видел серое пятно, видел жителей и ожидал лёгкого прохода. В момент штурма Дорн собирался перестроить верхние улицы,

открыть боковые ворота и зажать вошедшие отряды между древними рёбрами.

— Там живут люди, — сказал Артём.

— Поэтому враг поверит.

Илана шагнула к столу. Солдаты у стены взялись за рукояти. Она не достала нож. Размотала верёвку и положила на пустой камень два старых узла.

— Ора Рей. Сейн Рей.

Механизм не перевёл имена. Они прозвучали одинаково на любом языке.

Дорн посмотрел на узлы, затем на Илану.

— Я знаю, кого оставил внизу.

— Нет. Ты знаешь число.

На миг зал перестал гудеть. Артём услышал, как медная жила потрескивает в стене.

Дорн не рассердился. Это было хуже. Он взял один светлый камешек и положил на узел Оры, другой — на узел Сейна.

— Теперь знаю двоих. Решение не изменилось.

Илана смахнула камешки. Один укатился под стол. Солдат сделал шаг, но полководец остановил его.

— Вы приведёте врага в жилые дворы, — сказал Артём.

— Даже если ловушка сработает, люди окажутся между вашими отрядами.

— Поэтому ты мне нужен.

Дорн передвинул на карту несколько медных точек. Они

легли вдоль нижних улиц.

— Твои слушатели будут находить людей после ударов. Твои подпорки откроют проходы для моих солдат. Получишь дерево, железо, двадцать рабочих и право входить в любой дом, который ещё нанесён на карту.

Артём смотрел на точки. Полководец предлагал именно то, чего не хватало вчера у пекарни: людей, материалы, доступ. С таким отрядом можно было вытаскивать десятки. Может быть, сотни.

Но только там, где спасение не мешало ловушке.

— И нижний ярус?

— До штурма туда не спускается ни один мой рабочий.

— Там уже отвечают из-под стен.

— Значит, у тебя есть добровольцы.

Дорн вернулся на своё место. Он не требовал клятвы. Он был уверен, что нехватка дерева и рук сделает работу за него.

Артём вспомнил дежурства после взрыва газа. Тогда начальник штаба тоже выбирал участки, куда отправлять звенья. Никто не мог одновременно войти во все подъезды. Разница была не в самом выборе. Разница была в том, что дом не минировали вместе с жильцами, чтобы заманить внутрь противника.

Он взял со стола светлый камешек и положил на пустую часть карты.

— Я работаю там, где слышу живого.

Эл перевёл.

— Тогда будешь работать без моих людей, — ответил Дорн.

— Ваши люди тоже живые. Найду их — вытащу.

— Даже после того, как они перекроют тебе улицу?

Артём посмотрел на раненого солдата, которого вчера достали из пекарни. Он не знал, был ли тот среди закрывавших проходы. Это ничего не меняло.

— Если он ответит, да.

Дорн долго молчал. Потом неожиданно рассмеялся — один раз, без веселья.

— Хорошо. Получишь двенадцать рабочих, дерево и железо на три дня. Эл будет принимать твои сигналы. Ты входишь в отмеченные кварталы без отдельного разрешения. В нижних работаешь сам.

Илана быстро сказала фразу.

— И карта не закрывает улицу, пока там идёт поиск, — передал механизм.

— Нет.

— Тогда твоя помощь убьёт тех, кого мы не успеем вынести.

Дорн провёл пальцем по линии заката на краю стола.

— Если я задержу перестройку ради одного дома, могу открыть ворота для тысячи. Карта меняется вовремя.

— Тогда предупреждайте, — сказал Артём. — Не знак на стене. Голосом. За час, за полчаса, перед самым сигналом. Каждый двор должен знать, что закроется.

Эл поднял голову. Такая просьба касалась его работы.

Дорн посмотрел на связиста.

— Башни передают приказы постанам.

Эл ответил осторожно. Трубка донесла смысл: можно добавить три коротких сигнала перед изменением, но не названия всех улиц. Для названий не хватит времени и голосов.

— Тогда три сигнала, — сказал Артём. — И посты повторяют их ударами.

Дорн согласился кивком, словно уступал мелочь.

Артём знал цену этой мелочи. Полчаса — это время вывести ребёнка. Подложить доску. Проверить дальнюю комнату. Назвать тех, кого карта заставляет забыть.

— Теперь покажите, что вы исключаете сегодня.

Офицеры у стены зашевелились. Один что-то резко сказал Дорну. Полководец поднял ладонь.

— Зачем?

— Иначе ваши сигналы ничего не значат. Мы должны знать, где слушать раньше.

— Ты просишь военную карту.

— Я прошу список мест, которые вы собираетесь завалить людьми.

Эл перевёл дословно. Артём понял это по лицам солдат.

Дорн подошёл вплотную. Он был ниже Артёма на полголовы, но в зале всё принадлежало ему: стол, башня, стража, улицы за окном.

— Я не заваливаю их, Серов. Я удерживаю город.

— Камню всё равно, как вы это называете.

Они смотрели друг на друга несколько ударов сердца. Потом Дорн вернулся к карте и металлическим пером обвёл пять участков. Нижняя пекарня. Двор возле сухой цистерны. Ряд мастерских у древнего ребра. Колодезная лестница. И большой квартал у юго-западной стены.

При каждом прикосновении пустая поверхность на миг темнела, показывая скрытые линии. Артём запоминал их, как запоминал схему разрушенного дома перед входом: проходы, тупики, места возможных пустот.

Илана вязала узлы. Один за другим. Короткий, длинный, петля, два оборота. Карта могла измениться. Её верёвка — нет.

Когда перо дошло до колодезной лестницы, она остановила руку Дорна.

Полководец посмотрел на её пальцы. Солдаты снова напрыглись.

— Там единственный спуск к воде для трёх дворов, — сказала Илана.

— Сегодня враг войдёт через него.

— Там старый водный ход. Его нельзя закрывать вслепую. Дорн высвободил руку.

— В городе сотни старых ходов. Большинство заканчиваются камнем.

Артём заметил, как Илана взглянула на одну линию под лестницей. Она не спорила дальше, но завязала особый узел

— широкий, с тремя выпущенными концами.

Это было не имя. Это была дорога, которую она решила проверить.

Дорн убрал перо. Пять участков снова исчезли. На чистом камне остались верёвочные узлы и светлый камешек Артёма.

— К закату нижний ярус примет удар, — сказал полководец. — Если твой стук действительно полезен, докажи сегодня.

Он отдал приказ. Офицер вынес три деревянные бирки с печатями: доступ к складу, рабочим и отмеченным кварталам. Четвёртую бирку Дорн оставил у себя.

— Это позволило бы тебе войти в башню без сопровождения, — пояснил он. — Получишь её, когда начнёшь различать спасение и победу.

— Я различаю. Поэтому она у вас.

На обратном пути Эл шёл рядом с Артёмом. Илана держалась на шаг впереди и перебирала новые узлы, превращая увиденную карту в последовательность поворотов.

У просевшей площадки рабочие уже ставили подпорку. Они выбрали толстый брус, но опёрли его прямо на край нижней плиты. Артём остановил их, заставил подложить широкую доску и два клина. Старший сначала ворчал, затем увидел, как нагрузка распределилась по целому камню.

Эл наблюдал.

— Дорн, — сказал он на местном языке и показал рукой башню. Потом сжал кулак. — Тар.

Камень.

— Камень трескается, — ответил Артём по-русски.

Он провёл пальцем по трещине и развёл ладони. Эл понял. Покачал головой и коснулся медной трубы.

Дорн считал себя не камнем. Сигналом, который заставляет камень лечь правильно.

Артём указал на подпорку. Один брус не держал площадку сам по себе. Нужны были основание, клинья, соседняя стена и человек, который вовремя заметит трещину.

Эл улыбнулся краем рта. Потом быстро начертил на восковой дощечке три башни. Между ними — линии. Под линиями — множество коротких штрихов, похожих на дома. Он зачеркнул одну башню. Остальные линии задрожали и стянулись к двум.

— Если одна замолчит? — спросил Артём.

Связист прижал ладонь к груди, словно от сильного удара, и показал вниз. Улицы вернутся сразу. Всё, что башня удерживала от движения, сдвинется.

Артём вспомнил проход, который сомкнулся за Таей и Лиором. Если однажды он откроется обратно, камню понадобится место. Дома, пристроенные к исчезнувшей стене, лишатся опоры. Перекрытия примут вес, которого вчера не было.

Башни не просто меняли карту. Они копили обрушение. Эл стёр рисунок прежде, чем подошёл солдат.

На площади уже разгружали зерно. Возницу унесли в ла-

зарет. На телегах осталось шесть рядов мешков и пустые места, где могли бы лежать ещё шесть. Люди в очереди смотрели на зерно с надеждой, не зная имён тех, кто не доехал.

У спуска в нижний город Эл передал Артёму медную бирку связиста. На ней было три продольных выреза. Коснулся своей трубы, потом бирки и произнёс несколько слов.

Если постучать ею по башенной жиле три раза, сигнал услышит он.

— А если Дорн запретит отвечать?

Эл понял имя и отрицание. Посмотрел назад, на башню, затем на верёвку Иланы.

Он не обещал.

Но бирку не забрал.

У первой нижней стены их встретил звук молотков. Рабочие Дорна тащили брусья и железные скобы. Двенадцать человек, как было обещано. Вместе с ними пришёл писарь, который сразу потребовал карту работ.

Артём положил перед ним дощечку с тремя точками.

— Сначала тишина.

Илана передала требование. Рабочие нехотя опустили инструменты.

Три удара пошли по стене. Ответили справа, из-под мастерских. Потом снизу, со стороны колодезной лестницы. Третий сигнал пришёл далеко, почти у юго-западной стены — там, где Дорн обвёл самый большой участок.

Писарь развернул официальную пластину. На ней этих

мест не было.

Он ткнул пальцем в верхнюю улицу, где вчера обрушилась казарма. Именно туда Дорн выделил людей и дерево.

Артём взял один брус из связки и понёс к мастерским.

Писарь закричал. Рабочие остановились, не зная, чей приказ важнее.

Тогда Артём показал одну из бирок Дорна — доступ к материалам — и постучал по брусу три раза.

Из мастерской ответили.

Первым с места сдвинулся тот самый рабочий, который укреплял площадку в башне. Он поднял второй брус. За ним пошли ещё двое. Остальные посмотрели на писаря, на пустую карту, на людей с верёвками и тоже взялись за дерево.

Дорн хотел использовать стук, чтобы быстрее возвращать солдат в строй. Но знак уже не принадлежал ни Артёму, ни полководцу. Услышав ответ, человек либо шёл к живому, либо признавал, что оставляет его сознательно.

На развилке Илана распределила людей. Четверых к мастерским, троих к сухой цистерне, двоих с Таей — передавать предупреждение о башенном сигнале. Остальных она повела к колодезной лестнице.

— Брас Тен, — сказала она, коснувшись широкого узла с тремя концами.

Имя было Артёму знакомо по рассказам нижнего двора. Колодезник. Человек, который знал, куда уходит вода под древними рёбрами.

До заката оставалось меньше дня. Дорн готовил ловушку из улиц. Враг готовил штурм. Под ногами города лежали старые водные ходы, которые полководец считал тупиками.

Артём обернулся на центральную башню. Её огонь был виден даже отсюда, между крышами. С высоты карта казалась способом удержать город. Снизу она была плитой, под которой стучали люди.

Он опустил щуп на ступень колодезной лестницы.

Три удара.

Из глубины пришёл ответ — не человеческий и не похожий на эхо. Сначала глухой толчок, потом долгий шорох, будто далеко под камнем двигалась вода.

Илана затянула новый узел.

Артём приложил ухо к щупу и попросил всех замолчать.

Глава 5. Верёвки Иланы

Вода под ступенью шла не вниз.

Артём переставил щуп на край соседней плиты, потом на стену. Глухой толчок повторялся через одинаковые промежутки, а шорох каждый раз уходил влево, будто под землёй тяжело перекачивали мешок с песком. Река так не звучала. Ручей тоже. Звук рождался в тесном месте, где поток набирал силу, бил в преграду и отступал.

Он поднял ладонь, не позволяя людям заговорить. Сзади кто-то переступил с ноги на ногу. Писарь Дорна сердито дышал носом. Илана присела рядом и положила два пальца на камень. Она не пыталась услышать то же, что Артём. Следила за холодом и мелкой дрожью поверхности.

Тая держала конец длинной верёвки. На ней уже висели узлы мастерских, сухой цистерны и юго-западного квартала. Девочка смотрела на взрослых так строго, словно именно они могли помешать воде ответить.

Толчок. Шорох. Короткая тишина.

Артём отметил углём три точки на ступени и провёл стрелку поперёк лестницы.

— Там полость, — сказал он. — И поток за стеной. Он бьёт сюда, но уходит не по лестнице.

Илана поняла жесты, повторила местным. Один из работников Дорна ударил обухом в стену. Артём перехватил его

руку раньше второго удара.

— Не ломать. Сначала Брас.

Имя колодезника поняли все. Один старик указал вниз, затем на свою грудь и развёл руки: Брас был там давно, а вернулся ли — неизвестно.

Лестница начиналась между двумя домами и после восьми ступеней ныряла под арку. Ниже темнела площадка, заваленная щебнем. Когда-то отсюда носили воду в верхние дворы. Теперь деревянный ворот лежал на боку, цепь уходила под камни, а ниша с кувшинами была раздавлена сдвинувшейся стеной. На официальной пластине писаря вместо лестницы значилась ровная граница квартала.

Писарь ткнул в верхнюю улицу, напоминая, куда Дорн велел нести дерево. Артём показал на его пластину, потом на лестницу. Человек пожал плечами: если места нет на карте, для приказа его тоже не существует.

Илана сняла с пояса короткую серую верёвку. На одном конце был затянут широкий узел с тремя хвостами — знак Браса. Она приложила его к карте, прямо к гладкому месту. Писарь отдёргнул пластину, как от грязной ладони.

Тогда Илана поднялась на верхнюю ступень и стала развязывать собственную связку.

До этого Артём видел в её руках только спутанный моток. Теперь оказалось, что верёвок несколько. Толстая тёмная нить обозначала главные улицы. Светлая, с вплетёнными деревянными бусинами, — лестницы и переходы. Тон-

кая красноватая хранила имена. Илана соединяла их маленькими петлями, которые можно было передвинуть, но нельзя случайно стряхнуть. Она закрепила конец на дверном крюке, другой дала Тае и вытянула между ними первый отрезок.

Потом пошла.

Пятнадцать шагов до разбитого корыта. Узел. Поворот вокруг выступа стены. Ещё семь шагов. Петля, которую нужно было пропустить под большим пальцем. Спуск. Два узла рядом — место, где дорога раздваивалась, хотя глаза видели только завал.

Люди замолчали уже не по приказу Артёма. Они смотрели, как из мотка возникает улица, которой не признавал камень.

Илана вернулась к лестнице, взяла светлую нить и отсчитала на ней ступени. На восьмой завязала слабую петлю, на двенадцатой — тугую. Провела верёвку вдоль стены, где Артём услышал воду, и добавила широкий трёххвостый узел Браса.

— Ты была здесь после последнего сигнала? — спросил Артём.

Она поняла не все слова. Он показал на башню, потом на верёвку и изобразил, как улица закрывается.

Илана покачала головой. Коснулась памяти у виска, затем узлов. Дорога была старше нынешней карты.

Писарь коротко рассмеялся. Показал на стену: верёвка помнила проход, которого больше нет.

Илана не стала спорить. Она велела Тае натянуть тёмную нить и подвела писаря к первому повороту. Тот оказался у глухой кладки. Илана отмерила по верёвке расстояние, присела и смахнула пыль. Под ней обнаружилась узкая бронзовая полоса. Через два шага — вторая. Ещё дальше — круглая крышка в камне, почти невидимая под известью.

Рабочий поддел крышку ножом. Из отверстия потянуло сырым холодом.

Писарь перестал улыбаться.

Верёвка не доказывала, что старый проход уцелел. Она показывала, где нужно задавать вопрос.

Артём лёг на живот, опустил щуп в отверстие и коснулся внутренней стенки. Шорох воды стал отчётливее. Вместе с ним пришёл другой звук: два быстрых удара, пауза, ещё один.

Не правило трёх ударов. Кто-то бил своим знаком.

Илана мгновенно ответила рукоятью ножа: два, пауза, один.

Из глубины повторили.

— Брас, — сказала она.

Рабочие потянулись к щебню. Артём остановил их и сначала осмотрел арку. По центру шла свежая трещина. Левая опора держалась, правая была подмыта: между нижними камнями блестела влажная глина. Если выгрести завал перед ней, арка могла сложиться внутрь.

Он выбрал два самых ровных бруса из тех, что прислал

Дорн. Один рабочий возмутился и показал бирку писаря. Эти брусья предназначались казарме.

Артём положил ладонь на мокрый камень и ещё раз дал послушать звук. Затем поставил брус вертикально без нагрузки и толкнул его пальцем. Опора ушла в глину почти на ширину ногтя.

— Широкое основание, — сказал он, хотя слов никто не понял.

Он показал руками: узкая нога проваливается, широкая остаётся. Рабочий из башни — тот, кто первым понёс дерево вслед за ним, — кивнул и сам принёс две доски. Их уложили поперёк ступеней, сверху собрали низкую раму. Клинья забивали по очереди, слушая камень после каждого удара. Илана держала верёвку вдоль трещины. Если расстояние между двумя узлами увеличится хотя бы на палец, она остановит разбор.

Тая села у входа и повторила правило каждому новому помощнику. Три удара — все молчат. Поднятая ладонь — никто не трогает камни. Красная тряпка на ступени — дальше не наступать.

Писарь ушёл. Артём ожидал, что он уведёт и людей, но двенадцать работников остались. Возможно, не хотели признаться, что ослушались приказа. Возможно, слышали ответ из-под земли и уже не могли сделать вид, что это пустая стена.

Щебень разбирали сверху, по одному куску. За первым

слоем показалась дверная плита, поставленная поперёк хода. Она не упала — выросла из пола после башенного сигнала. На её поверхности сохранился рельеф: человек держал над головой чашу, из чаши расходились двенадцать струй.

Илана провела пальцем по струям и быстро нашла на своих верёвках похожую связку. Двенадцать тонких нитей расходились от старой медной бусины.

Артём вспомнил пустые колодцы на карте Дорна.

— Водосбросы?

Слова не поняли, но Илана указала наружу, за стену города. Потом на чашу и двенадцать струй. Эти ходы когда-то отводили воду из Эйр-Када.

С той стороны плиты снова постучали. На этот раз к условному знаку добавилось царапанье сверху вниз.

— Вода поднимается, — сказал Артём.

Брас мог ждать, пока они аккуратно разберут проход. Поток ждать не будет.

Плиту нельзя было выбить внутрь: они не знали, кто стоит за ней и что держит её с другой стороны. Артём простучал края. Слева звук был плотным. Справа, возле бронзовой полосы, отзывалась узкая пустота. Он попросил тонкое железо. Рабочий принёс скобу, её распрямили молотком и просунули в шов. На глубине ладони прут ушёл свободно.

Илана потянула светлую верёвку, сверилась с узлами и показала вверх. Над правым краем плиты когда-то шла служебная ниша.

Они сняли три небольших камня, не трогая перемышку. Открылось отверстие размером с лицо. Из него ударил сырой воздух.

— Брас! — крикнула Илана.

Ответил хриплый мужской голос. За плитой находились четверо: Брас, двое подмастерьев и женщина из дома у колодца. Один подмастерье повредил ногу. Вода прибывала из бокового канала, а обратный путь сомкнулся утром.

Илана задала несколько коротких вопросов. Брас отвечал так же коротко. Потом она повернулась к Артёму и изобразила ладонью уровень по грудь, два поворота и падение вниз.

Пробить маленькое отверстие было недостаточно. Людей нужно вывести до заката, а плита держала часть арки.

Артём просунул руку в нишу. Внутри шла бронзовая тяга. Она двигалась на несколько миллиметров, если нажать вниз. Древняя дверь имела механизм, но башня прижала его новым камнем.

Брас что-то крикнул и трижды ударил ниже. Илана нахмурилась, перевела ему ответ. Колодезник настаивал: не трогать тягу. За дверью вода подпирала плиту. Если открыть её резко, поток собьёт людей на лестнице и размоет основание арки.

Артём попросил всех отойти выше красной тряпки. Снял с себя одну из оставшихся строп, обвязал ближайший целый столб и проверил узел. Второй конец продел через железное кольцо ворота. Получился тормоз для двери, если она по-

дастся. Рабочие добавили верёвку Иланы, но она резко забрала свою связку.

Сначала Артём решил, что ей жалко карту. Потом увидел, как она выбирает из мотка отдельный толстый шнур без узлов. Дороги нельзя было путать с тем, что держит груз. Для каждого дела у неё была своя верёвка.

Толстый шнур закрепили крест-накрест. Выше ступеней из досок сделали желоб к разбитому корыту и дальше, в сточную канаву. Земляной вал должен был принять первый поток. На площадке оставили только Артёма, Илану и рабочего из башни.

— Когда откроется, не стой перед ней, — сказал Артём.

Илана показала на него тем же жестом. Сама привязала короткую петлю к поясу и к столбу.

Они не могли подробно говорить, но понимали опасность одинаково.

Артём расширил нишу ещё на один камень. Пыль посыпалась за ворот. Верёвка на трещине осталась неподвижной. Он надавил на бронзовую тягу. Та не пошла. Рабочий вставил железный прут как рычаг. Вдвоём они сдвинули металл на толщину пальца.

Под землёй что-то лязгнуло.

Плита ударила в стропу так сильно, что столб застонал. Из нижнего шва вырвалась вода, мутная, ледяная. Она наполнила желоб, перелилась через край, но пошла к канаве. Илана затянула тормозной шнур вокруг ворота. Артём вставил

клин между плитой и стеной.

Щель стала шириной с плечо.

Первым протиснулся младший подмастерье. Он тащил раненого товарища под мышки. Артём принял его вес, уложил на доски и проверил ногу. Закрытый перелом ниже колена. До Мевы донесут.

Женщина вышла следом, прижимая к груди кожаный мешок с инструментами. Вода уже била ей в колени. За ней появился Брас Тен — невысокий широкоплечий мужчина с седой бородой, заплетённой в две короткие косы. На шее у него висела цепочка с каменными грузиками. Он не полез наружу. Вцепился в край плиты и что-то крикнул Илане.

Она выругалась и начала протискиваться внутрь.

Артём удержал её за петлю на поясе.

— Что там?

Илана показала два пальца, затем ладонью высоту ребёнка.

Четверых было не четверо. Брас нашёл за боковой перегородкой ещё двух детей.

Их не назвали, когда он отвечал на вопросы, потому что сам обнаружил стук только сейчас.

Артём проверил клин. Стропа дрожала. Поток усиливался, подмывая глину возле правой опоры. Пройти вдвоём внутрь означало добавить вес там, где пол уже мог быть пустым.

Он вынул из кармана моток тонкого шнура, привязал к

щупу и передал Брасу через щель. Показал: простучать пол, отметить безопасную линию, детей вести по одному. Колодезник понял с первого раза.

Илана осталась у двери. Она не спорила, но держала руку на тормозной верёвке так, что побелели костяшки.

Из темноты донеслись удары щупа. Близкий, звонкий. Дальше — глухой. Снова звонкий. Брас искал опоры под водой.

В это время сверху ответила башня.

Три коротких сигнала прокатились по медным жилам города. Предупреждение, которое Артём выторговал у Дорна. До перестройки оставалось совсем немного.

Тая повторила сигнал молотком. С соседнего двора ответили. Потом ещё дальше. Удары разбежались по нижнему ярусу быстрее приказа.

Илана посмотрела на серую дверь. Если карта изменится сейчас, проход мог сомкнуться окончательно.

Она сняла с пояса красноватую верёвку имён и протянула Тае.

— Нет, — сказала девочка.

Это слово Артём уже понимал без перевода.

Илана назвала Ору и Сейна. Показала на башни и юго-западный квартал. Тая должна была унести карту людей туда, где скоро закроются улицы. Если Илана останется под лестницей, верёвки не должны остаться вместе с ней.

Тая взяла моток обеими руками. Потом развязала у себя

на запястье маленькую петлю и закрепила её на поясе Иланы.

Не прощание. Обещание найти дорогу обратно.

Из-за плиты показалась голова Браса. Он толкал перед собой мальчика лет семи. Артём подхватил ребёнка под плечи. Тот был босой, губы посинели. Следом выбралась девочка постарше, сама, но на ступени её ноги подогнулись.

Брас вышел последним и сразу схватился за тормоз. Вода ударила сильнее. Клин сдвинулся.

— Наверх! — крикнул Артём.

Рабочие потащили детей и раненого. Артём выбил удерживающий клин длинным прутот, не подхотдя к щели. Стропа стравила дверь назад. Плита закрылась не полностью: в нижнем шве остался поток толщиной с руку, но основной напор прекратился.

Правая опора просела.

Верёвка вдоль трещины натянулась и тихо запела.

Илана ударила три раза.

Все замерли. Даже Брас, только что выбравшийся из воды, не тронул ближайший камень.

С арки посыпался песок. Один клин в раме вошёл глубже. Брус накренился, принял вес и остановился на широкой доске. Если бы его поставили прямо на ступень, он провалился бы в глину.

Артём ждал, считая удары сердца. Десять. Двадцать. Тридцать.

Трещина не раскрылась дальше.

Только тогда люди начали подниматься.

На верхней площадке Брас отказался идти к Меве, пока не проверил каменные грузики на своей цепочке. Каждый имел насечку. Он раскладывал их на земле и соотносил с узлами Иланы. Они спорили быстро и сердито, перебивая друг друга. Тая пыталась передавать Артёму смысл жестами.

Старая водная система расходилась от центральной чаши на двенадцать каналов. Не все вели за стену: часть наполняла цистерны, часть отводила дождевую воду со склонов. После того как башни начали менять улицы, каналы ломались в новых местах. Брас годами обходил доступные отрезки и отмечал их грузиками. Илана сохраняла подходы узлами. По отдельности обе карты были неполными. Вместе показывали путь воды и путь людей.

Брас взял двенадцать тонких нитей у медной бусины. Три отбросил сразу — обрушены. На двух завязал каменные грузики — затоплены. Ещё четыре упирались в участки, которых давно не существовало на официальной карте.

Три нити оставались свободными.

Одна шла к северной стене, где стояли склады Дорна. Другая — под мастерскими, откуда утром отвечали люди. Третья уходила на юго-запад, прямо под самым большим участком, предназначенным исчезнуть к закату.

Артём присел рядом и нарисовал на пыли городскую стену. Снаружи поставил точки осадного лагеря. Внутри — жителей. Провёл три линии каналов.

— Они выходят наружу?

Брас понял рисунок. Взял прутик и продолжил северную линию за стену. Потом перечеркнул её: решётка, камни или обвал. Вторую довёл до края и поставил вопросительный знак. Третью уверенно протянул дальше, к сухому оврагу, но разделил тремя поперечными чертами.

Три обрушения.

Илана коснулась последней линии, потом узлов матери и брата.

Её родные исчезли в той же стороне.

Вдалеке загудела центральная башня. По крышам прошла тень, хотя солнце ещё стояло над стеной. Пять участков, обведённых пером Дорна, готовились перестать быть улицами.

Тая вскрикнула и показала на верёвки.

Тёмная нить, протянутая от дверного крюка к разбитому корыту, медленно натянулась сама. Не потому, что кто-то тянул её за конец. Расстояние между домами менялось. Узел поворота пополз по камню. Светлая петля лестницы оказалась на ладонь ближе к стене.

Бумажная карта Дорна меняла город сверху. Верёвочная карта показывала это снизу — не приказом, а болью натянутых нитей.

Илана бросилась собирать узлы. Артём остановил её возле тёмной верёвки и приложил уголь к стене там, где она проходила сейчас. Если улица вернётся, им понадобится знать величину сдвига. Рабочий из башни забил рядом маленький

железный костыль. Илана оставила на нём свободную петлю, способную скользить, не рваться.

Первый удар башни прокатился под ногами.

Дом слева сдвинулся на ширину ладони. Люди закричали. Рама под аркой закричала, но удержала плиту. Из шва снова брызнула вода.

Второй удар.

Глухая стена у разбитого корыта вытолкнула из себя старый дверной косяк. На мгновение в нём показался проход, полный серой пыли. Потом камень сомкнулся уже в другом месте.

Тёмная верёвка провисла.

Илана мгновенно переставила узел. Тая повторила новое расстояние на своей короткой копии.

Третий удар.

Со стороны юго-западного квартала поднялся гул обрушения. Следом пришли человеческие сигналы: три удара, пауза, три, ещё три. Слишком много точек сразу.

Писарь Дорна появился на верхней улице с шестью солдатами. Он размахивал пластиной, на которой теперь проступила казарма и исчезла колодезная лестница. Двенадцать работников должны были немедленно уйти к отмеченному месту.

Люди посмотрели на Артёма.

Он не имел права удерживать их приказом, которого они ему не давали. Показал на казарму, затем на дальние сигналы

и раскрыл ладони: выбор.

Рабочий из башни снял с плеча молот. Артём ожидал, что тот пойдёт за писарем. Вместо этого мужчина ударил по железному костылю три раза.

Из юго-западного квартала ответили.

Рабочий поднял один конец бруса.

За ним встали семеро. Четверо ушли к казарме — там тоже могли быть живые. Никто не назвал их предателями.

Писарь попытался вырвать у Иланы верёвочную карту. Она отступила и подняла нож, не направляя лезвие на человека. Солдаты окружили её.

Тая уже унесла красную верёвку имён под одеждой. У Иланы оставались дороги.

Артём встал между ней и писарем. Показал бирку Дорна, разрешавшую брать материалы, потом медную бирку Эла. Писарь указал на пустое место своей пластины: колодца нет, следовательно, и работа здесь была кражей.

Брас, мокрый и дрожащий, шагнул к нему. Положил на официальную карту один каменный грузик. Потом второй. Третий. Пластина под ними потемнела, но не приняла метки.

Колодезник поднял спасённого мальчика. Поставил босые ноги ребёнка прямо на гладкое место карты.

Камень не изменился.

Зато писарь изменился. Он смотрел на мальчика и не мог произнести заготовленное обвинение.

Артём взял медную бирку Эла, подошёл к жиле, прохо-

дившей по стене дома, и постучал три раза. Металл ответил тонким звоном. Он повторил, добавил пять ударов — число участков, выбранных Дорном, — и снова три.

Не сообщение. Просьба слушать.

Через несколько мгновений жила нагрелась. Из неё пришёл слабый ответ Эла: один длинный, два коротких.

Связист услышал.

Писарь тоже услышал. Он свернул пластину и приказал солдатам уходить. Перед тем как подняться, показал Артёму на башню и провёл пальцем по горлу. Эл дорого заплатит, если Дорн решит, что он передаёт нижним дворам военные сигналы.

Илана дождалась, пока солдаты скроются, и только тогда опустила нож. Она взяла у Таи красную верёвку, проверила узлы Оры и Сейна, затем нашла новый узел Артёма.

Рядом с ним появился ещё один — двойной, свободный, не затянутый до конца.

Артём указал на него.

— Что значит?

Илана свела два пальца, потом развела. Дороги, которые могут идти вместе и могут разойтись, не ломая друг друга.

Это не было обещанием. Тем более не признанием. Скорее правом на выбор, которого Дорн не оставлял своим улицам.

Она коснулась старых узлов матери и брата. Показала на себя, затем на юго-запад. Идти нужно было сейчас. Если там

открылся проход, через час карта могла закрыть его снова.

Артём посмотрел на раму под аркой. Она держала. Брас уже менял мокрые клинья на сухие и объяснял двум рабочим, как следить за просадкой. Спасённых несли к Меве. У лестницы оставались люди, способные продолжить без него.

Он провёл углём на стене три линии: северный канал, мастерские, юго-западный водосброс. Возле последнего поставил три поперечные черты.

Брас добавил к рисунку знак глаза и ударил себя по уху. В следующем ходе нужно было не только смотреть на камень. Колодец слышал перемену воды раньше, чем трескалась кладка.

Артём вернул щуп в петлю на поясе и взял два коротких бруса. Илана распределила оставшееся дерево между людьми, ничего не записывая. Каждую передачу отмечала узлом, чтобы позже знать, где искать материал и человека.

Они двинулись к юго-западному кварталу: Илана впереди, Артём следом, Тая между носильщиками. Верёвка в руках проводницы больше не повторяла прежнюю дорогу. После каждого поворота Илана щупала стены, считала шаги и перевязывала карту заново.

На одной развилке официальный указатель вел налево. Илана выбрала глухой двор справа. Там между двумя домами висела бельевая верёвка. На ней старуха завязала пять узлов — по числу жильцов, ушедших утром за водой. Илана добавила их к своей карте.

Через два дома мальчик передал ей обрывок шнура с единственной бусиной. За этой бусиной стояла семья, имени которой Артём ещё не знал. Ещё дальше раненый солдат протянул ремешок от шлема: его товарищи остались у закрывшейся караульной ниши.

Карта росла не потому, что один человек знал весь город. Каждый отдавал ей маленький участок памяти.

У последнего спуска тёмная нить внезапно закончилась. Впереди лежала площадь, которой утром не было. Из земли торчали верхушки древних колонн. Между ними клубилась пыль, а в самом центре медленно оседала крыша большого дома.

Оттуда пришли три удара.

Илана ответила и замерла.

После обычной паузы из-под крыши раздались два коротких и один длинный — семейный знак, который Артём уже слышал у колодца.

Пальцы Иланы нашли узел матери.

— Ора? — спросил он.

Она не ответила. Приложила верёвку к губам, затем затянула узел так, что тот стал меньше и твёрже.

Из-под оседающей крыши снова постучали. На этот раз рядом с семейным знаком прозвучал другой — ровный, мерный, похожий на работу картографа, который отсчитывает расстояние.

Сейн.

Илана сделала шаг на площадь.

Артём поймал её за плечо. Между ними по камню бежала трещина. Край площади уже просел, а под пылью слышалась вода из юго-западного канала.

Он указал на трещину, затем на брусья. Сначала путь. Потом люди.

Илана закрыла глаза всего на один вдох. Когда открыла, в них осталось не меньше страха, но снова появилась проводница.

Она обошла опасный край, закрепила верёвку на первой колонне и бросила конец Артёму. Тая повторила узел на своей копии. Рабочие уложили широкую доску поперёк трещины.

Над городом догорал башенный сигнал. На официальной карте этой площади, возможно, уже не существовало. На верёвках Иланы она только что появилась.

Артём опустил шуп на камень.

Под крышей отвечали двое людей, которых город велел забыть. Под ними двигалась вода, способная однажды вывести тысячи за стену.

Теперь эти две задачи лежали в одном месте.

Глава 6. Колодец слышит раньше

Брас Тен не смотрел на крышу.

Пока остальные следили, как с неё сыплется известковая крошка, колодезник опустился на колени у трещины и прижал к камню один из грузиков со своей цепочки. Плоский серый круг задрожал. Брас передвинул его на ладонь, потом ещё на ладонь и резко вскинул голову.

Он крикнул людям отойти от середины площади.

Артём слышал внизу низкий рокот. Не удар и не скрежет кладки — пережат воды в закрытом ходе. На поверхности ещё ничего не менялось, но Брас уже тащил раненого носильщика к колоннам. Илана подхватила Таю. Рабочие подняли доску, уложенную через трещину.

Через несколько мгновений камень там, где они стояли, просел. Не рухнул, а медленно ушёл вниз на ширину ладони. Из шва выдохнуло пыль. Следом показалась вода.

Если бы люди ждали треска крыши, они оказались бы в середине провала.

Брас постучал себя по уху и указал вниз.

Колодец слышал раньше.

Артём присел рядом. В его работе звук тоже предупреждал до видимого разрушения: песок шуршал в пустоте, арматура коротко звенела под нагрузкой, бетон отвечал иначе там, где за ним оставался воздух. Но Брас слушал не ка-

мень. Он знал воду как живую систему. Поток первым находил новую щель, менял голос в сужении и переносил в колодец весть об обвале.

Под оседающей крышей снова прозвучал знак Оры и Сейна. Теперь Артём различил, что удар шёл не из-под самого дома. Звук приходил по каменной трубе и усиливался пустотой под площадью.

Илана поняла это одновременно с ним. Надежда на её лице не исчезла, но стала осторожнее.

— Не здесь, — сказал Артём.

Она повторила по-местному, будто закрепляла факт для себя. Не здесь — не значит мертвы.

Брас снял с цепочки три грузика разной формы. Круглый положил у северного края площади, треугольный — у трещины, длинный — возле дома. Затем плеснул воду из фляги в каждую точку. На севере лужица осталась круглой. У трещины быстро вытянулась ниткой. Возле дома исчезла между плитами.

Он повёл их к колоннам. За первой обнаружился спуск, прикрытый плоским камнем. Брас не стал поднимать крышку. Приложил к ней грузик, подождал и показал два пальца. Внизу было два потока или два уровня.

Артём опустил шуп в узкую щель. Ближний шум шёл справа налево. Дальний — наоборот. Между ними время от времени возникал мерный стук.

Сейн отвечал через систему каналов. Он мог находиться

в сотнях метров.

Илана размотала светлую верёвку лестниц. Брас добавил к ней грузик и повёл нить на юго-запад. Они не могли идти прямо по поверхности: башенная перестройка поставила на старом пути дом. Зато вода сохранила направление под ним.

Артём оставил у оседающей крыши четверых рабочих. Им предстояло поставить рамы по краям, не входя в середину, и каждые несколько минут слушать трещину. Тая хотела остаться сигнальщицей, но Илана дала ей другую задачу: передавать верёвочную карту в нижний двор. Девочка спорила до тех пор, пока Брас не вложил ей в ладонь копию треугольного грузика. Теперь она несла не поручение взрослому, а первый знак карты воды.

К водосбросу пошли Артём, Илана, Брас и трое рабочих. С ними двинулся спасённый у колодца подмастерье по имени Кест — тот, у кого ноги оставались целы. Он нёс моток толстого шнура и короткую кирку.

Брас задавал путь не по улицам. Через каждые двадцать или тридцать шагов искал место, где древняя кладка выходила на поверхность: водосточный камень, круглое отверстие, бронзовую полосу. Прижимал грузик, прислушивался и выбирал поворот. Иногда маршрут совпадал с узлами Иланы. Иногда вода уходила под стену, и проводница находила обход для людей.

Так две карты разговаривали друг с другом.

На площади красильщиков они остановились. Все жело-

ба были сухими, но Брас поднял ладонь. Артём ещё ничего не слышал. Колодезник положил круглый грузик на край каменного чана. Через несколько вдохов металл внутри стены тихо задребезжал.

— Эва, — сказал Брас. Вода.

Он показал вверх, хотя поток шёл под ними.

Артём понял: уровень поднимается.

Они отошли к арке. Из сухого желоба внезапно хлынула мутная струя. Она принесла щепки, обрывок ткани и горсть белых семян. Поток длился меньше минуты и снова исчез.

Брас поймал одну щепку. На ней была свежая синяя краска.

Илана указала на дальний квартал. Там находилась мастерская её брата-картографа. Сигнал и мусор шли одной дорогой. Сейн, вероятно, открыл затвор выше по каналу, чтобы передать знак.

Белые семена Илана завернула в ткань. Артём не спросил, что они значат. По тому, как она прижала свёрток к узлу Оры, понял: мать тоже оставила след.

У западной стены путь воды раздвоился. Брас снял два грузика и дал один Артёму. Каменный круг был холодным и тяжёлым. Колодезник показал, как держать его ребром между пальцами, не прижимая ладонью: рука заглушала слабую дрожь.

Артём попробовал на первой плите. Ничего. На второй почувствовал едва заметное щекотание. На третьей грузик

пульсировал часто и мелко.

Он отметил место углём.

Брас одобрительно хмыкнул, но перечеркнул метку. Перенёс грузик на стену и дал почувствовать длинную дрожь. Мелкая пульсация означала воду в узкой трещине. Длинная — свободный ход. Искать нужно было не самый громкий звук, а тот, который оставлял людям пространство.

Это напоминало поиск человека в завале. Самый сильный стук не всегда приходил по прямой. Звук мог бежать по балке, трубе, арматуре. Нужно было строить несколько направлений и проверять их с разных точек.

Артём поставил три угольные отметки. Илана связала их короткой петлёй. Брас положил грузики. Все три линии сошлись у низкого дома, пристроенного к городской стене.

Внутри жила семья гончара. Хозяин не хотел пускать людей в подвал: там хранились последние мешки глины и две бочки воды. Илана показала узлы соседей, которых они спасли у колодца. Брас выложил на пороге цепочку каналов. Гончар всё равно покачал головой.

Тогда Артём попросил кружку. Налил в неё воды из одной бочки и поставил на пол. Поверхность оставалась спокойной. Перенёс на три шага ближе к задней стене — по воде пошли круги.

Под домом двигался большой поток.

Гончар первым открыл люк.

Подвал был низким, с полками вдоль стен. На дальней

кладке сохранился тот же знак чаши с двенадцатью струями. Перед ним стояли мешки глины. Их перенесли наверх. За мешками обнаружилась древняя бронзовая дверь, перекошенная и замурованная поздним кирпичом.

Брас приложил длинный грузик. Ответ пришёл сразу — ровный шум большого хода.

Юго-западный водосброс.

Кирпич разбирали вручную. Артём не позволил бить кирпичом возле перемычки. Кест ворчал, но после первых двух рядов показалась трещина, уходившая в потолок. Её закрепили короткой рамой из хозяйских досок. Гончар сам отдал полку под основание, когда понял, что его дом стоит на пустоте.

Дверь открывалась наружу, в подвал. За ней давил поток, поэтому сначала просверлили щель старым буравом гончара. Вода не хлынула. Из отверстия потянуло воздухом.

Канал оказался не заполнен. Вода шла по нижнему ложу, а над ней оставался проход.

Они привязали дверь шнуром, отвели людей с линии и сдвинули бронзовую задвижку. Створка открылась на четверть, упёрлась в осевший пол. Артём просунул щуп, проверил ближайшие плиты. Брас бросил внутрь деревянную стружку. Её понесло вправо.

Сигнал Сейна пришёл слева.

Значит, звук двигался против воды по верхней полости.

Брас полез первым. Артём удержал его и показал на мокрую одежду после колодца. Колодезник показал на свою це-

почку: без него они не различат ветви. Илана встала между ними, сняла с Браса тяжёлую накидку и обвязала его страховочным шнуром. Спор закончился.

Артём пошёл вторым, Илана третьей. Кест остался у двери и держал связь ударами.

Водосброс был шире, чем ожидал Артём: два человека могли идти рядом, пригнув головы. По центру тянулся желоб с быстрой водой, по бокам — узкие сухие дорожки. Стены состояли из тёмных блоков без раствора. Через равные промежутки стояли бронзовые кольца и знаки двенадцати струй.

Воздух шёл им навстречу. Где-то впереди был выход.

Брас считал кольца и касался каждого грузиком. На седьмом остановился. Попросил тишину.

Вода журчала ровно. С потолка падали капли. Ничего опасного.

Колодезник отступил на шаг и потянул Артёма за рукав.

Только тогда Артём заметил: капли падали не вертикально. Их сносило к тонкой щели в стене. За кладкой возникло разрежение, словно большая пустота втягивала воздух.

Брас стукнул по блоку. Звук ушёл слишком далеко.

Первое разрушение находилось не в самом канале. Рядом с ним обвалился подземный зал, и наружная стена водосброса теперь держала его свод. Если открыть или разобрать этот участок, зал сложится в ход.

Артём поставил угольный крест, но Илана удержала его руку. Обычная метка могла исчезнуть с новой перестройкой.

Она обвязала седьмое кольцо особым узлом — три петли, одна внутри другой — и повторила его на своей карте.

Обход нашли сверху. Низкая служебная ниша шла над опасным отрезком. Брас протиснулся в неё, страховка натянулась. Через несколько минут он ударил с другой стороны. Артём и Илана прошли следом, не касаясь правой стены.

За первым разрушением канал спускался. Вода становилась глубже, но воздух оставался свежим. На одном из колец висел обрывок синей ткани — такой же, как щепка у краильщиков. Илана сняла его и приложила к семенам.

След семьи вёл дальше.

Они прошли ещё около сотни шагов, когда Брас снова остановился. На этот раз предупреждение услышал Артём: впереди вода шумела громче, но звук не приближался. Он отражался от преграды.

Второе разрушение перегородило водосброс кучей камня и спрессованной земли. Поток уходил под неё, верхняя часть была сухой. Между плитами виднелись корни.

Илана посмотрела вверх. Над ними находился один из садов нижнего яруса. Если начать разбор снизу, земля и деревья провалятся в канал.

Артём достал щуп и проверил завал по сетке. Слева он уходил глубоко. Справа на уровне плеча обнаружилась пустота, но слишком узкая. В центре один камень отвечал звонко — плита лежала на двух точках и держала массу сверху.

— Не трогать, — сказал Артём.

Брас уже завязывал второй знак на кольце.

Из-за завала пришёл слабый удар.

Илана ответила семейным знаком. Несколько мгновений было тихо. Затем Сейн передал длинную последовательность. Брас считал интервалы, Илана — группы. Она раскладывала верёвку прямо на сухой дорожке: два узла, пауза, пять, один широкий.

Сообщение было картой.

Сейн находился не сразу за завалом. Он описывал путь дальше: после второго обрушения канал цел, затем разделяется; левая ветвь затоплена, правая выводит к старому внешнему сборнику. Ора с ним. Вместе с ними ещё люди. Вернуться они не могут — улица над первым участком закрылась, а третий обвал отделяет их от выхода наружу.

Илана прижала ладонь к стене. Ответила медленно, повторяя каждый знак: живы, услышали, идём.

С той стороны пришли три удара.

Артём не понимал местной счётной системы, но видел главное: семья Иланы не лежала под крышей площади. Они двигались по другой стороне водосброса и оставляли сигналы через вертикальные колодцы. Освободить их сейчас можно было только разобрав опасный сад снизу — почти наверняка обрушив дома над ним.

Нужен был другой вход.

Брас показал вверх и начертил лопатой круг. Колодец са-

да. Если найти его на поверхности, завал можно укрепить сверху, снять землю слоями и открыть боковую нишу.

Илана отметила место узлом. Теперь ей приходилось выбирать: продолжить к третьему разрушению или вернуться и искать колодец над семьёй.

Артём показал на поток. Пока вода проходила под завалом, у людей с той стороны оставался воздух и путь выше уровня желоба. Третье разрушение определяло, есть ли вообще выход из города. Но если башни снова сдвинут сад, второй завал мог уплотниться.

Он нарисовал два отряда. Брас продолжает разведку с ним. Илана возвращается, поднимает людей к саду и начинает укрепление сверху. Она резко отказалась. Не хотела уходить от семейного сигнала снова.

Брас сказал ей несколько тихих слов. Положил свой самый старый грузик рядом с узлом Оры. Артём не понял речь, но понял жест: вода донесёт звук, а люди должны донести помощь.

Илана согласилась не сразу. Она передала Артёму конец красной верёвки, на котором были узлы Оры и Сейна. Не всю карту — только тонкий отрезок. Если связь пропадёт, он должен назвать их, а не превратить в число.

Потом ушла к двери вместе с Кестом и одним рабочим.

Артём и Брас продолжили вдвоём. За вторым завалом не было прохода для человека, поэтому они поднялись в вентиляционную нишу. Она вывела к узкому колодцу. По нему

пришлось ползти, цепляясь коленями за насечки. Внизу шумела вода, сверху иногда проходила дрожь башен.

За завалом они спустились обратно в основной ход. Здесь на стенах появились светлые пятна. Воздух пах сухой травой и дымом осадных костров.

Внешняя сторона стены была близко.

Брас улыбнулся впервые с момента спасения. Положил грузик на пол и дождался длинной ровной дрожи. Канал впереди был свободен.

Через пятьдесят шагов улыбка исчезла.

Третье разрушение выглядело не как случайный обвал. Поперёк водосброса стояла новая каменная кладка. Блоки были меньше древних, раствор ещё не до конца высох. В середине торчали наконечники железных прутьев.

Канал заложили люди снаружи.

Артём коснулся раствора. Несколько дней, не больше. Осаждающие знали о водосбросе и перекрыли его после начала осады.

За стеной слышались голоса.

Брас потянул его назад, но Артём уже увидел узкую щель под потолком. В неё проникал свет. Он поднял щуп и осторожно коснулся крайнего блока.

Снаружи мгновенно ответили ударом по металлу.

Не тройным знаком. Частой дробью тревоги.

Они побежали.

За спиной послышался скрежет. Из отверстий в новой сте-

не пошла вода — кто-то снаружи открыл заслонку. Поток быстро наполнял желоб, поднимаясь к дорожкам.

Брас крикнул и указал на кольца. Они цеплялись страховкой за каждое второе, чтобы вода не сбила с ног. На первом спуске поток уже доходил до колен. Артём пропустил колодезника вперёд, сам держал шнур.

У вентиляционного колодца вода догнала их. Брас поднялся первым. Артём полез следом, чувствуя, как шнур дергает пояс. Внизу ударила волна, сорвала с дорожки оставленный мешок и унесла к завалу.

Они перевалились на другую сторону второго разрушения. Здесь вода уходила под камни и пока не поднималась, но гул становился громче.

Сейн постучал из-за стены — быстрый вопрос.

Артём взял красную верёвку, нащупал два узла и ответил три раза. Живы. Слышали.

Потом добавил сигнал опасности, которому научил посты: три, пауза, один длинный.

С той стороны повторили. Люди уйдут выше.

У первого разрушения стена опасного зала уже дрожала. Вода заполняла соседнюю пустоту, меняя нагрузку. Брас не полез в служебную нишу. Он схватил Артёма за руку и повёл прямо по сухой дорожке вдоль стены, которую раньше запретил трогать.

Артём упёрся. Стена держала свод.

Брас приложил грузик. Длинной дрожи больше не было.

Пустой зал наполнился водой; перепад давления исчез. На несколько минут опасный участок стал устойчивее.

Колодец услышал перемену раньше, чем они увидели воду.

Они прошли быстро, не касаясь блоков. За седьмым кольцом Артём оглянулся. Из швов сочилась вода, но кладка стояла.

У бронзовой двери их ждали Илана, Кест и гончар. Илана вернулась с людьми для сада, но, услышав изменение потока, пришла проверить разведчиков. Она увидела красную верёвку в руке Артёма и только после этого позволила себе выдохнуть.

Они закрыли дверь, оставив щель для сброса воды. Брас нарисовал на полу три преграды. Первую отметил пустым залом, вторую — корнями сада, третью — свежей стеной осаждающих. Рядом изобразил заслонку и копья.

Водосброс вёл наружу. Но враг уже держал его конец.

Гончар испуганно показал на свои бочки. Если осаждающие могут пускать воду обратно, они способны затопить нижние улицы.

Брас покачал головой. Нарисовал двенадцать каналов и соединительную чашу. Один поток не затопит весь город, пока работают переливы. Но если башни закроют соседние ветви или кто-то перекроет чашу, вода найдёт дома.

Артём понял новую цену карты Дорна. Полководец менял улицы, не зная, что вместе с ними меняет давление в древней

системе. Каждый исчезнувший квартал мог перенаправить поток.

Илана показала на башню и на второй завал под садом. До следующего сигнала нужно было укрепить колодец сверху. Тогда они смогут добраться до Оры, Сейна и остальных, не роняя дома.

Артём хотел идти с ней, но Брас удержал его. Колодезник приложил три грузика к двери. Дрожь расходилась по ним неодинаково. Вода уже искала боковую ветвь к мастерским.

Если поток доберётся туда первым, он ударит в людей, которых утром нашли по стуку.

Команде снова пришлось разделиться.

Илана затянула двойной свободный узел рядом с именем Артёма. Один путь — к семье. Другой — к людям в мастерских. Оба были нужны, и ни один не обещал встречи к вечеру.

Она ушла с Кестом и двумя рабочими к садовому колодцу. Артём, Брас и гончар подняли оставшиеся доски. По улицам уже передавали предупреждение о воде: не башенный приказ, а новый звук — три удара и длинное шуршание цепи.

Тая придумала его, пока они были под землёй.

На выходе из дома Артём остановился у кружки, оставленной на полу. Вода в ней дрожала сильнее, чем прежде. Круги шли от задней стены к двери.

Город ещё не видел новой угрозы. На площадях торго-

вались, у складов делили зерно, солдаты готовили ловушку Дорна. Но под ногами поток уже сменил дорогу.

Брас поднял цепочку грузиков. Один из них дрожал сам. Колодец снова слышал раньше.

Глава 7. Первый ложный стук

Вода пришла в мастерские раньше людей.

Она выступила из щелей между плитами, сперва тонкими тёмными нитями, потом широкими языками. Во дворе красильщиков уже снимали двери с петель и укладывали на кирпичи, чтобы перенести тюки ткани выше. Женщина в синем переднике держала младенца одной рукой, другой вытаскивала из подвала мешок с шерстью. Никто не кричал. Над крышами повторяли новый сигнал: три удара и длинный скрежет цепи.

Артём остановил тех, кто собирался спускаться за последними корзинами.

— Сначала люди. Потом то, что плавает. Остальное оставить.

Его речь понимали уже лучше, но он всё равно показал ладонью уровень воды и перечеркнул вход. Брас опустился на колени у сливной решётки. Три его грузика лежали на камне, и каждый дрожал по-своему. Колодезник переставлял их, будто слушал больного через холодную кожу.

Вода шла не из юго-западного канала напрямую. Она заполнила старую чашу под рынком и теперь искала самый низкий двор. Если открыть забитый сток возле мастерских, поток уйдёт к пустым красильным ямам. Если сток обрушен, вода поднимется до жилых комнат.

Артём распределил людей парами. Один проверяет дом, второй остаётся у входа и отмечает вышедших. Тая принесла дощечку с именами жильцов. Ещё неделю назад Артём счёл бы такую запись обычным списком эвакуации. Здесь она была крепью: пока имя произносили и передавали дальше, человека труднее было потерять вместе с улицей.

Из дальнего подвала донеслись три удара.

Все замерли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.